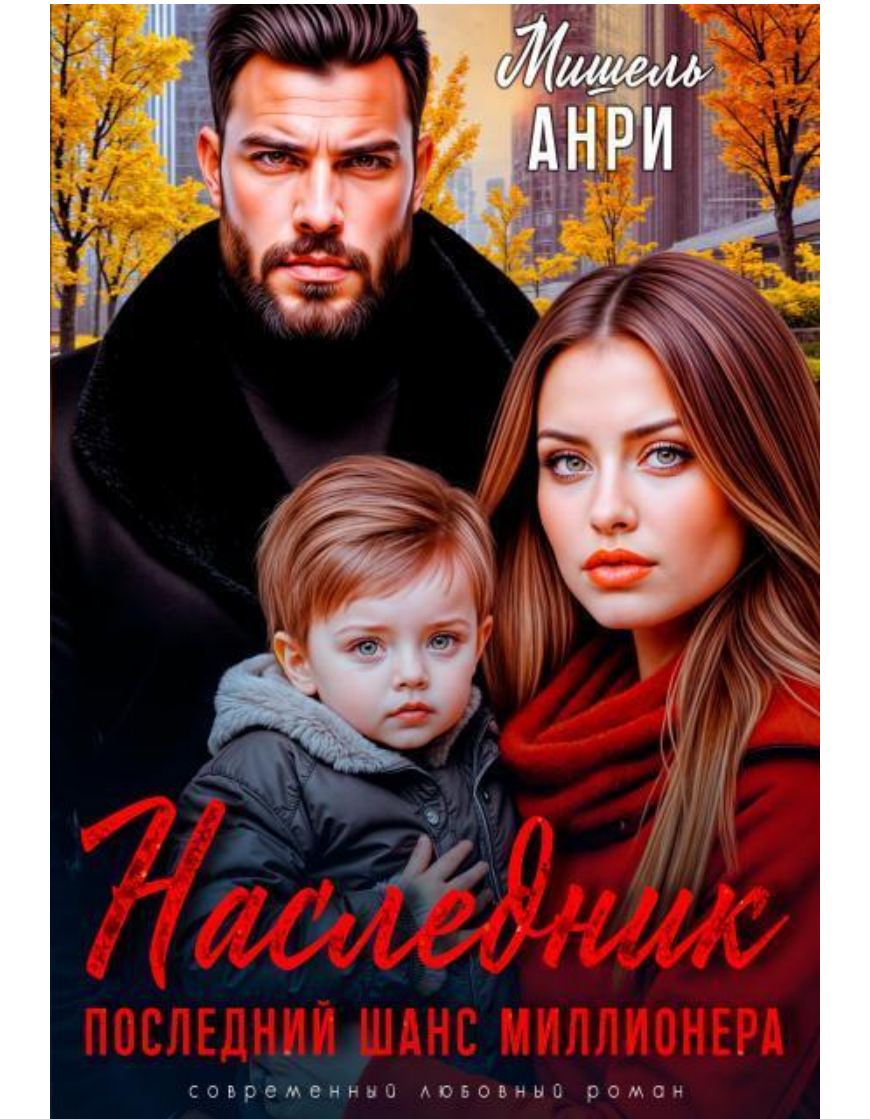

Мишель
АНРИ

Наследник

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС МИЛЛИОНЕРА

современный любовный роман

Мишель Анри

Он мой наследник. Последний шанс для миллионера

<https://litres.ru/74360743>

Аннотация

Он сказал: «Ребенок? Это был всего лишь спор». Она осталась одна, с сыном и сломанной жизнью.

Прошли годы. Теперь на пороге — его отец. Властный, холодный, безумно богатый. Он пришел за наследником.

Она готова бороться. Даже если придется войти в его мир. Даже если этот мир поглотит её.

Игра началась. Но в тишине огромного дома жестокие правила вдруг меняются. Легко забрать ребёнка. Но как покорить женщину, которую однажды предала его же кровь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	77
Глава 16	83
Глава 17	88
Глава 18	93
Глава 19	98
Глава 20	104
Глава 21	109
Глава 22	114
Глава 23	120

Глава 24	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Глава 1

До сих пор звучат в голове его слова: «Беременна? Ребенок? Да он мне не нужен, как, впрочем, и ты! Это всё было не серьезно. Просто на спор!»

Они врезались в память навсегда, острые и холодные, как лезвие. Каждое слово – отдельный удар, от которого перехватывало дыхание и подкашивались ноги. Тая стояла на холодном ветру у парадного входа своего общежития, сжимая в руке тест с двумя красными полосками, а его спортивный «BMW» уже исчезал за поворотом, унося того, кого она подурачки, наивно любила.

Глеб. Мажор. Душа компании. Человек с другой планеты, который на три месяца снизошел до нее, простой девчонки из провинции, Таисии Орловой. Она думала, это судьба. А оказалось – всего лишь ставка в глупом пари с его такими же мажорными друзьями. «Закрутишь роман с этой синим чулком с химфака?» – «Да легко». И он закрутил. А она поверила.

Теперь с этими словами в голове она шла по коридору деканата, подавая заявление на перевод на заочное. Институтская жизнь, которая еще недавно казалась такой яркой, превратилась в чужой и болезненный мир. Она ловила на себе взгляды: сочувствующие, любопытные, злорадные. «Та самая серая мышка, которую Глеб Крутов бросил. Говорят, бе-

ременна...»

Мир рухнул в одночасье. Но где-то глубоко внутри, под грудой унижения и боли, уже теплилась новая жизнь. Ее сын. Ее Никита. Ради него она собирала себя по кусочкам. Ради него она терпела упреки уставшей матери и молчаливое разочарование отца. Ради него она вставала ночами, чтобы сдать чертежи и подработать, тупо уставившись в мерцающий экран монитора, пока все спали.

Роды, первые месяцы в бесконечной череде пеленок, бутылочек и бессонных ночей. Потом первые шаги, первое «мама». Мир сузился до размеров их маленькой двушки на окраине, но этот мир был наполнен настоящей, чистой любовью. Она научилась быть сильной. Научилась не плакать, когда трудно. Научилась радоваться мелочам.

Про Глеба она старалась не думать. Он стал призраком из прошлого, страшной сказкой, которую не расскажешь ребенку на ночь. Следила за ним украдкой? Признаться себе в этом было стыдно. Он жил своей блестящей жизнью: закончил институт, путешествовал, появлялся в светских хрониках в окружении красавиц. Казалось, он даже не помнит о ее существовании. И это было к лучшему.

Однажды, листая ленту новостей за чашкой утреннего кофе, она наткнулась на заголовок, от которого кровь застыла в жилах. «Наследник бизнес-империи Крутовых погиб в нелепой аварии». Сообщалось, что Глеб поскользнулся на мокром полу в собственном доме, ударился головой о мра-

морный подоконник и скончался, не приходя в сознание. Так глупо, так нелепо, так... бессмысленно. Даже ненавидеть стало некого. Осталась только пустота и горькое недоумение.

Прошли дни. Боль утраты, которой по сути и не было, сменялась странным оцепенением. Жизнь брала свое. Нужно было гулять с Никитой, который в свои три года был копной непоседливых кудрей и парой любознательных глаз, успевший перепачкаться в шоколаде.

Именно в парке, катая сына с горки, она увидела знакомое лицо. Сергей Петрович. Их бывший преподаватель по сопромату, один из немногих, кто относился к студентам с человеческим теплом. Он шел по аллее, задумчиво глядя под ноги.

— Сергей Петрович? – окликнула его Тая, невольно смущаясь своего вида: потертые джинсы, простая куртка, никакого макияжа.

Мужчина поднял голову, на лице его мелькнуло удивление, которое быстро сменилось теплой, искренней улыбкой.

— Таисия? Орлова? Боже мой, как я рад вас видеть! – Он пожал ей руку, его взгляд скользнул к Никите, который крепко ухватился за мамину ногу, пряча за ней заливчатые кудри. — Сынишка? Красавец!

Они разговорились. О жизни, о работе, об общих знакомых. Сергей Петрович был тактичен и не задавал лишних вопросов, но Тая ловила его взгляд, который снова и снова возвращался к Никите. Взгляд не просто любопытный, а

какой-то... оценивающий. Впрочем, ей показалось, что она просто параноит. После всего пережитого доверять людям стало сложно.

Они тепло попрощались, пообещав не теряться. Тая отвела взволнованный взгляд, уводя сына домой. Ей почудилось, что Сергей Петрович долго смотрел им вслед.

Прошла неделя. О встрече она уже почти забыла, погружившись в привычные хлопоты. Вечером, уложив Никиту, она села с вязанием перед телевизором, наслаждаясь тишиной.

Внезапно резкий, настойчивый звонок в дверь заставил ее вздрогнуть. Кто в такой час? Через глазок она увидела на площадке незнакомого мужчину в дорогом пальто, с строгим, непроницаемым лицом. Рядом с ним маячила тень рослого телохранителя.

Сердце упало. Что-то внутри подсказало ей, что этот визит не сулит ничего хорошего. Она медленно, с цепенеющими пальцами, открыла дверь.

— Таисия Орлова? — голос у мужчины был низкий, властный, без единой нотки вопроса. Он смерил ее с ног до головы холодным, пронзительным взглядом, в котором читалось пренебрежение и непоколебимая уверенность в своем праве быть здесь.

— Да... это я. А вы кто?

Мужчина не представился. Он лишь бросил беглый взгляд вглубь квартиры, туда, где за стеной спал ее сын.

— Вы родили ребенка от моего сына, Глеба, — произнес он, и слова его повисли в воздухе, тяжелые и безвозвратные, как приговор. — Теперь этот мальчик — мой единственный наследник. И я здесь, чтобы забрать его.

Глава 2

Он вошел в квартиру без приглашения, словно это было его законным правом. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по скромной обстановке: потертый диван, книжные полки, сделанные из досок и кирпичей, детские игрушки, аккуратно сложенные в корзине. В этом взгляде читалось не пренебрежение даже, а нечто большее — словно он смотрел на соответствующие стандартам условия содержания дорогого ему актива.

Воздух сразу стал густым и тяжелым, Тая стало трудно дышать.

— Меня зовут Арсений Викторович Крутов, — отрекомендовался он, наконец, но это не было жестом вежливости. Это была констатация факта, известного всем и каждому. Имя крупнейшего застройщика города не сходило с газетных полос. — И, как я уже сказал, ваш мальчик — моя кровь и теперь мой наследник. Я позабочусь о его будущем.

Тая почувствовала, как пол уходит из-под ног, а стены начинают медленно сжиматься. Сердце заколотилось где-то в горле, глухо и часто. Она инстинктивно отступила назад, преграждая собой узкий коридор, ведущий в комнату, где спал Никита. Ее ладони стали влажными.

— Вы... вы ошибаетесь, — выдавила она, и собственный голос показался ей слабым и писклявым. Он потерялся в гул-

кой, давящей тишине, что принес с собой этот человек. — У меня нет к вам никакого дела. И у моего сына — тоже.

Арсений Викторович усмехнулся, но глаза его оставались ледяными.

— Милая моя, не будьте наивной. Я знаю всё. Проверка — дело нехитрое. После смерти Глеба я велел проверить всё его окружение за последние годы. Вы думали, эта случайная встреча с вашим бывшим преподавателем была такой уж случайной? Сергей Петрович — старый друг нашей семьи. Он сразу понял. И выполнил свой долг.

Вот оно. Такой простой и такой страшный ответ. Тактичный, добрый Сергей Петрович оказался всего лишь лазутчиком.

— Никита никому не нужен был, пока был жив ваш сын! — в голосе Таи прорвалась накопленная годами горечь. — Глеб от него отказался! Сказал, что это был просто спор, глупая юношеская бравада! Вы слышите? Мой ребенок был ставкой в пари!

Лицо Арсения Викторовича дрогнуло, в глазах на мгновение мелькнула тень неподдельной боли, но он мгновенно, веками вышколенной воли, взял себя в руки. Эмоция была пригнана и надежно упрятана.

— Глеб был молод и глуп. Теперь его нет. А мой внук — есть. И он будет расти в достойных условиях, с лучшими учителями, в правильном окружении. Он получит всё, что

положено ему по праву рождения.

Он сделал паузу, достал из внутреннего кармана пиджака чековую книжку.

— Я понимаю, вы вложили в него силы и время. Я готов компенсировать. Назовите сумму. Она будет справедливой. После чего вы подпишете документы об отказе от родительских прав и... исчезнете.

Он говорил так буднично, так спокойно, словно предлагал купить у нее не ребенка, а старую, ненужную мебель. От этой обыденности, от этого спокойного цинизма у Таи похолодело внутри, будто в жилы влили ледяную воду.

— Нет, — прошептала Тая.

— Я не расслышал.

— НЕТ! — крикнула она уже громко, срываясь на визг. Она встала в полный рост, сжав кулаки. Впервые за долгие годы унижений бедности и борьбы за выживание в ней проснулась ярость. Материнская, дикая, готовая разорвать любого на куски. — Вы ничего не понимаете! Я его родила, я не спала ночами, я его кормила, лечила, радовалась его первым шагам! Он мой сын! Вы не можете просто прийти и купить его, как вещь! Уходите!

Арсений Викторович смотрел на нее с нескрываемым изумлением. Видимо, он не привык, чтобы ему отказыва-

ли. Тем более — чтобы на него кричали. Он медленно убрал чековую книжку.

— Ваш материнский порыв трогателен и... предсказуем, — произнес он с легкой насмешкой. — Но поверьте бессмыслен. У меня больше ресурсов. У меня есть связи и власть. Я легко могу доказать через суд, что мать-одиночка, живущая в такой... лачуге, — он снова окинул комнату уничижительным взглядом, — не может обеспечить ребенку достойное будущее. Более того, я могу сделать так, что вы не найдете работы ни в одном приличном месте этого города. Вы обрекаете его на жалкое существование. Это и есть любовь?

Его слова били без промаха, точно в цель, вызывая животный, парализующий страх. Она понимала, чувствовала каждой клеточкой, что он не блефует. Он действительно может всё это сделать. Он — сила, непобедимая и безжалостная, а она — лишь пылинка на его пути.

— Уходите, — повторила она, но уже тише, с мольбой. — Пожалуйста.

Он помолчал, вглядываясь в ее искаженное ужасом и гневом лицо, в ее глаза, полные слез, которые она отчаянно сдерживала. Он изучал ее, как интересный, но досадный эксперимент.

— Хорошо. Я дам вам время подумать. Неделю. Но учтите, мое предложение — это акт доброй воли. Через неделю

разговор будет другим. И он уже не будет таким щедрым.

Не дожидаясь ответа, не сказав больше ни слова, он развернулся с легкостью человека, привыкшего повелевать пространством. Его телохранитель, тенью стоявший все это время в подъезде, молча посторонился. Дверь закрылась с тихим, но таким финальным щелчком.

Тая не двигалась, прислушиваясь к затихающим шагам за дверью. Потом ее взгляд упал на щеколду сломанного замка. Тишина в квартире снова стала густой, но теперь она была звенящей, наполненной невысказанным ужасом.

Глава 3

Тая медленно сползла по косяку двери на пол, обхватив голову руками. Тишину квартиры, ставшую вдруг звенящей и гнетущей, пронзил ее сдавленный, безумный шепот, больше похожий на стон раненого зверя:

— Нет, нет, нет, нет...

Это было не просто отрицание. Это был отказ принимать новую, чудовищную реальность, в которой ее сын превратился в актив, в наследство, в разменную монету.

Из детской комнаты донесся сонный зов:

— Мама?

Одно это слово враз вернуло ее к реальности. Она вскопчила, мгновенно, почти истерически смахнула с лица предательские слезы, оставившие на щеках соленые дорожки, и бросилась к сыну. Она ворвалась в комнату, залитую мягким светом ночника в форме месяца, и схватила его, прижала к себе так сильно, что почувствовала хрупкость его маленького тела и его быстрое, сонное сердцебиение. Он захныкал от неудобства, уткнувшись носом в ее шею.

— Все хорошо, солнышко, все хорошо, — шептала она, целуя его пахнущие детским шампунем волосы. — Мама здесь. Мама никому тебя не отдаст. Никому.

Но сердце ее бешено колотилось, а в ушах звенело от осо-

знания полной, абсолютной беспомощности. Как она может бороться с таким человеком? Как она может его остановить?

В ту ночь она не сомкнула глаз. Сидя у кровати спящего Никиты, она лихорадочно обдумывала варианты. Вызов полиции? Смешно. Он сам и есть закон. Обратиться к журналистам? Кто напечатает что-либо против него? Суд? Долгая, изматывающая тяжба, которую она гарантированно проиграет, лишившись последних сил и средств. Единственная мысль, которая виднелась слабым огоньком в конце этого туннеля безысходности, была безумной, отчаянной, но единственно возможной — бегство.

На следующий день она под предлогом болезни взяла отгулы на работе, сняла все накопленные деньги — жалкую сумму по меркам Крутова, но их могло хватить на несколько недель в глухой провинции. Купила два самых дешевых билета на автобус, уходящий в противоположный конец страны рано утром.

Она действовала как запрограммированный автомат, заглушая внутренний голос, который твердил, что это безумие, самоубийство, что он все равно найдет, что таких, как он, не остановить. Но древний, материнский инстинкт, инстинкт самки, защищающей своего детеныша, был сильнее голоса разума. Он кричал одно: «БЕГИ!».

Ровно через неделю, глубокой ночью, когда за окном бушевала метель, словно природа сама помогала ей скрыть следы, она разбудила Никиту, тепло одела его, бросила в старую

спортивную сумку самое необходимое и вышла из квартиры, оставив ключи на столе.

Автобус тронулся в предраусветной тьме. Тая, прижимая к себе сонного сына, смотрела, как в заиндевавшем стекле тают огни родного города. Она чувствовала себя преступницей, сбежавшей из тюрьмы. Но это был побег не к свободе, а в неизвестность. Единственной ее надеждой было затеряться, стать призраком.

Они продержались почти три месяца. Снимали крошечную комнату в общежитии в захолустном городке, где она устроилась уборщицей. Жили в постоянном страхе, она вздрагивала от каждого стука в дверь, от каждого незнакомого взгляда на улице. Но постепенно начала надеяться. Может, он махнул на них рукой? Может, передумал?

Однажды, возвращаясь из садика с Никитой, она увидела у своего подъезда черный, до блеска начищенный внедорожник. Рядом, прислонившись к капоту, стоял тот самый телохранитель. Он смотрел на нее через темные очки, и на его лице не было ни удивления, ни злости. Лишь холодная профессиональная удовлетворенность.

Дверь их комнаты была приоткрыта. Внутри, на единственном стуле, сидел Арсений Викторович Крутов. Он был в идеальном костюме, и его вид резко контрастировал с убогой обстановкой. Он с интересом разглядывал облезлые обои.

Увидев их на пороге, он поднял на Таю взгляд.

— Ну что ж, — произнес он без эмоций. — Пора заканчивать с этой комедией. Вы доказали свою... решительность. Но игра в прятки окончена.

Никита испуганно прижался к ее ноге.

— Что вы здесь делаете? Как вы нас нашли? — прошептала она, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Я делаю то, что должен. Я нашел своего внука, — он открыл портфель, лежавший у его ног. — У меня есть два варианта документов. Одни — о лишении вас родительских прав с обвинениями в похищении ребенка и неустойчивом психическом состоянии. Вторые — о вашем согласии на наше совместное проживание и мое опекуновство. Выбирайте.

Тая молчала, обнимая сына. Она понимала, что это конец. Она загнала себя в угол. Бежать больше некуда. И суд он, конечно, выиграет.

— Я... я не отдам его, — хрипло сказала она. — Я поеду с ним.

Арсений Викторович внимательно посмотрел на нее, и в его взгляде впервые промелькнуло нечто, отдаленно напоминающее уважение.

— Хорошо, — неожиданно согласился он. — Вы переедете в мой дом. Вы будете жить там вместе с Никитой. Вы остаетесь его матерью. Но его воспитанием отныне буду заниматься я. Выполните это условие — и у вас будет крыша

над головой, еда, одежда и возможность быть рядом с сыном. Попробуетесь перечить или сбежать снова — я применю первый вариант документов. И на этот раз вы не просто потеряете его. Вы больше никогда его не увидите. Ясно?

Это была капитуляция. Горькая, унижительная, но единственно возможная. Она медленно кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Собирайте вещи. Машина ждет, — встал он, отряхивая с пальто несуществующую пыль.

Через час они ехали в его роскошном автомобиле обратно в город, который она так отчаянно пыталась оставить позади. Никита, напуганный и молчаливый, спал у нее на руках. Тая смотрела в окно на мелькающие снежные поля. Она проиграла сражение. Но война за сына только начиналась. И теперь ей предстояло жить на территории врага.

Глава 4

Черный внедорожник плавно катил по заснеженным улицам, которые Тая так отчаянно пыталась забыть. С каждым поворотом, приближающим их к центру города, к тем местам, где когда-то разворачивалась ее короткая и несчастливая любовь, сердце ее сжималось все сильнее. Никита, утомленный переездом и напряжением, крепко спал у нее на руках, уткнувшись мокрым от слез носиком в ее шею.

Машина миновала шумные центральные проспекты и свернула за высокий кованый забор, скрывающий частную территорию от любопытных глаз. Они въехали в мир тишины, богатства и абсолютной власти.

Особняк Крутова был не просто большим домом. Это была крепость, холодный и безупречный памятник состоянию и влиянию. Современная архитектура из стекла и бетона, строгие линии, идеально подстриженные хвойники, припорошенные снегом, и безлюдная аллея, ведущая к парадному входу. Ничего лишнего, ничего теплого.

Арсений Викторович вышел из машины первым, не оглядываясь. Шофер открыл дверь Тае. Она, прижимая спящего сына, ступила на идеально расчищенную плитку подъездной площадки. Морозный воздух обжег легкие, но внутри нее было еще холоднее.

Массивная дверь из черного дерева бесшумно отъехала в

сторону. Их встретил немолодой мужчина с бесстрастным, вышколенным лицом, в безукоризненном костюме.

— Добро пожаловать домой, Арсений Викторович, — его голос был тихим и четким, без эмоций.

— Спасибо, Игорь. Это Таисия и Никита. Они будут жить здесь. Распорядись насчет вещей.

Игорь кивнул, его взгляд скользнул по Тае и ребенку с вежливой, но абсолютно отстраненной нейтральностью, словно он оценивал новый предмет интерьера.

— Конечно, Арсений Викторович. Персонал предупрежден.

Они вошли внутрь. Тая замерла на пороге, чувствуя себя Золушкой, забредшей во дворец не в карете, а в качестве прислуги. Высокие потолки, панорамные окна от пола до потолка, открывающие вид на освещенный сад, минималистичная мебель, которая выглядела как арт-объекты, и давящая, гробовая тишина. В воздухе витал едва уловимый запах дорогой полировки и свежесрезанных цветов, стоявших в огромной вазе в центре зала. Было красиво, безумно дорого и абсолютно бездушно.

Арсений Викторович сбросил пальто в руки появившейся горничной и повернулся к Тае.

— Игорь — управляющий. Все бытовые вопросы через него. Правила простые: вы не покидаете территорию без моего разрешения или без сопровождения. Ваши передвижения по дому не ограничены, за исключением моего кабинета и восточного крыла. Распорядок дня Никиты будет согласовываться со мной. Вопросы?

Он говорил так, будто инструктировал нового сотрудника. В его тоне не было и намека на то, что это мать его внука.

— Где... где мы будем жить? — тихо спросила Тая, опасаясь разбудить эхо в этом огромном пространстве.

— Вам отведены комнаты на втором этаже. Игорь покажет.

Управляющий жестом пригласил ее следовать за собой. Они поднялись по широкой лестнице из светлого мрамора, их шаги беззвучно тонули в густом ковре.

Коридор на втором этаже был таким же бесконечным и безличным. Игорь остановился у одной из дверей.

— Ваша комната, мисс Таисия. Комната мальчика — следующая дверь, смежная. Вас обоих ждут необходимые вещи. Если что-то не по размеру или не по нраву, сообщите, заменим. Обед в два часа. Если потребуется что-то раньше, воспользуйтесь телефоном внутри, наберите «1» для кухни.

Он открыл дверь и отступил в сторону, давая ей войти.

Комната была огромной. Больше, чем вся ее прошлая квартира. Широкая кровать с бельем нежного кремового оттенка, туалетный столик, мягкое кресло у окна. Свой собственный санузел с огромной душевой кабиной. Все было выдержано в спокойных, пастельных тонах. Роскошно, стильно и так же холодно, как и все в этом доме. Здесь не было ни одной личной вещи, ничего, что намекало бы на уют, на жизнь. Это был номер в дорогом отеле высшего класса.

Она прошла в следующую комнату. Комнату Никиты.

Сердце ее сжалось. Это была мечта любого ребенка из журнала: кровать в форме гоночной машины, полки с новыми, еще в упаковках, игрушками (образовательными конструкторами, дорогими моделями, никаких мягких мишек или знакомых мультгероев), маленький столик для занятий, интерактивная доска. Все идеально, стерильно и совершенно не походило на ту уютную, заваленную любимыми, потрепанными игрушками комнатку, что осталась там, в их старой жизни.

Никита, проснувшийся от тишины и новых ощущений, робко оглядываясь по сторонам.

— Мама, это дворец? — прошептал он, испуганно сжимая ее руку.

Прежде чем она успела ответить, в дверях появилась тень Арсения Викторовича. Он осмотрел комнату внука удовле-

творенным взглядом.

— Все необходимое есть? — снова тот же деловой тон.

— Да, — тихо ответила Тая. — Спасибо.

— Хорошо. Осваивайтесь. Игорь проведет для вас инструктаж по дому. Обедать жду вас в столовой ровно в два. Не опаздывайте.

Он повернулся и ушел, оставив их одних в этой красивой, чужой и пугающей клетке.

Тая медленно опустилась на колени перед сыном, стараясь улыбнуться.

— Видишь, какая у тебя красивая комната?

— А где мишка? И моя пижама с машинками? — спросил Никита, и его нижняя губа задрожала.

— Они... в пути, солнышко. Скоро приедут, — солгала она, понимая, что их скромные пожитки, скорее всего, уже выброшены как ненужный хлам. Здесь все будет новым, отобранным и одобренным Арсением Викторовичем.

Она обняла сына, чувствуя, как по ее спине бегут мурашки.

Глава 5

Первые дни в особняке Крутова напоминали жизнь в гигантском, безупречно чистом аквариуме. Стекло, идеальный порядок, застывшая, почти стерильная красота, в которой нечем было дышать. Воздух был густым и неподвижным, наполненным запахом дорогой полировки и свежесрезанных, без единого изъяна, цветов, которые кто-то молча менял каждый день в напольных вазах.

Каждый их шаг по бесшумным ковровым дорожкам, каждый вздох, каждое слово, сказанное шепотом в огромных, пустых залах, казалось, было на учете. Звонкая тишина то и дело прерывалась мягким, почти неслышным шуршанием — это передвигалась по дому прислуга. Горничные в белоснежных фартучках, невозмутимый повар в белом колпаке, садовник, стригуший уже идеальные кусты под окнами — все они были частью этого безупречного механизма.

Они были вежливы до безупречности, но их взгляды, пустые и отстраненные, неизменно скользили мимо Таи и Никиты, будто их не существовало вовсе. Если Тая обращалась с вопросом, она получала короткий, точный ответ, произнесенный без единой лишней эмоции, и человек тут же растворялся в пространстве, словно призрак. Они обслуживали, но не замечали. Подавали идеально приготовленные блюда, поправляя складки на салфетках, но не видели, как Тая ото-

двигала тарелку, не в силах проглотить ни кусочка от сжигавшего горло кома тревоги.

Никита, привыкший к тесной, но уютной хаотичности их старой квартиры, сначала жался к матери, не решаясь бежать по зеркальному паркету, в котором отражался его испуганный силуэт. Его тихие вопросы: «Мама, а кто этот дядя? А мы когда домой?» — терялись в высоких потолках, не получая ответа. Его мир сузился до одной, отведенной им детской, заставленной дорогими, холодными игрушками, которые нельзя было разбросать, потому что они тут же молча и аккуратно возвращались на свои места невидимой рукой.

Они были не людьми, а частью нового интерьера, который следовало содержать в идеальном порядке. Дорогим, но чужим активом, временно размещенным в этих стенах. И от этой мысли, от этого всевидящего, безразличного молчания, по коже Таи бежали мурашки. Она ловила себя на том, что задерживает дыхание, прислушиваясь к тишине, в которой было слышно только биение ее собственного, перепуганного сердца.

Ровно в два дня Тая, держа за руку нарядного и напуганного Никиту, спустилась в столовую. Комната с длинным полированным столом, способным вместить два десятка человек, казалась еще более безжизненной, чем остальные. Арсений Викторович уже сидел во главе стола, погруженный в чтение отчета на планшете. Он лишь кивком указал им ме-

ста.

Обед проходил в гробовой тишине, нарушаемой лишь тихим звяканьем серебряных приборов. Никита, привыкший к маминым разговорам за едой и смешным рожицам из картошки, сидел, затаившись, и почти не ел.

— Ребенок должен питаться сбалансированно, — раздался вдруг холодный голос Арсения Викторовича, заставив Тая вздрогнуть. — Он ковыряется в тарелке. Это признак плохого аппетита или избалованности?

— Он просто не привык, — тихо возразила Тая. — И он скучает по... по нашей еде.

— «Ваша еда» состояла из полуфабрикатов и макарон, если я правильно изучил вопрос. Здесь ему будут прививать правильные гастрономические привычки.

Тая стиснула зубы, чувствуя, как по щекам заливает краска унижения. Она молчала. Спорить было бесполезно.

Война началась с мелочей. С распорядка дня. Арсений Викторович нанял для Никиты строгую гувернантку с дипломом престижного европейского университета, мисс Эдит. В три года мальчик должен был начинать день с «развивающих игр» на английском, затем — уроки лепки и рисования «по методике», прогулка по строго отведенному маршруту в саду под присмотром, тихий час по расписанию.

Тая пыталась сопротивляться.

— Он же еще маленький! Ему нужно просто играть, бе-

гать, а не учиться как в школе!

— Бесструктурное времяпровождение — это потеря времени, которое можно инвестировать в развитие, — парировал Крутов. — Я не намерен вырастить неуча.

Однажды Тая, зайдя в комнату к сыну после его «урока», застала его плачущим. Мисс Эдит заставляла его собирать сложный пазл, а он не мог и просто хотел свою старую, потрепанную машинку.

— Мама, я устал, — рыдал он, уткнувшись в ее колени.

Тая, не в силах сдержаться, накричала на гувернантку и увела сына гулять без разрешения. Они просто бегали по снегу, валялись в сугробах и смеялись — впервые за долгое время.

Вечером Арсений Викторович вызвал ее в кабинет. Это было первое посещение его святая святых. Комната, заставленная дисплеями с биржевыми сводками, с огромным кожаным креслом и портретом сурового старика — основателя клана — на стене.

— Вы нарушили режим дня и проявили неуважение к персоналу, — начал он без предисловий.

— Он плакал! Ему три года, а вы пытаетесь сделать из него робота! — выпалила Тая, вся дрожа от гнева.

Он внимательно посмотрел на нее, отложив в сторону пе-

ро.

— Вы считаете, что знаете лучше, как воспитать наследника многомиллионного состояния?

— Я знаю, как воспитать счастливого ребенка! — парировала она. — А вы — нет!

Он поднял бровь. Казалось, ее вспышка его скорее заинтересовала, чем разозлила.

— Счастье — понятие растяжимое. Успех, власть, уверенность в завтрашнем дне — вот что я могу ему дать. Ваши методы приведут его к жизни на обочине. Как вас.

Эти слова прозвучали как пощечина. Горечь и ярость, копившиеся все эти годы — с момента, когда Глеб бросил ее с его же ребенком, до нынешнего ощущения себя бесправной заключенной в золотой клетке — прорвались наружу. Она выпрямилась во весь рост, и ее глаза, обычно такие мягкие, вспыхнули зеленым огнем.

Глава 6

— Успех? Власть? — ее голос, обычно тихий, зазвучал звеняще и резко, рассекая стерильный воздух в кабинета. — Это вы называете успехом? Вы уже однажды воспитали такого «успешного» человека! Взрастили бездушного эгоистичного уroda, для которого чувства других людей — всего лишь объект для спора, развлечение на один вечер!

Она видела, как его лицо побелело, как сузились зрачки. Но остановиться уже не могла.

— Ваш сын, Арсений Викторович, сломал мне жизнь ради забавы! Он бросил своего собственного ребенка, потому что тот не вписывался в его успешное, властное будущее! И вы хотите, чтобы Никита вырос таким же? Холодным, расчетливым чудовищем, которое видит в людях лишь инструменты? Вы называете жизнь на обочине — я называю это честностью! А ваше богатство и ваша власть не сделали вашего сына счастливым! Они лишь дали ему возможность безнаказанно ломать жизни! И он сломал свою так нелепо, что это смешно и страшно одновременно!

Она тяжело дышала, грудь вздымалась от нахлынувших эмоций. Она ждала взрыва. Ждала, что он позовет Игоря и телохранителей вышвырнуть ее из кабинета, из дома, из жизни Никиты.

Но взрыва не последовало.

Арсений Викторович откинулся на спинку кресла. Он не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен куда-то в прошлое, на портрет сурового старика на стене. В комнате повисла тягостная, давящая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом компьютеров и ее собственным прерывистым дыханием.

Когда он наконец заговорил, его голос был тихим, усталым и лишенным всякой привычной властности. В нем слышалась лишь бесконечная, накопившаяся годами горечь.

— Вы думаете, я не знаю, каким он вырос? — он произнес это почти шепотом. — Думаете, я не видел его пренебрежения ко всем, кто слабее? Его цинизма? Его... пустоты?

Он медленно повернул к ней лицо. И впервые Тая увидела не всемогущего титана Крутова, а просто уставшего мужчину, сломленного смертью сына, в глазах которого читалась неподдельная боль.

— Я пытался сделать его сильным. Лидером. Я дал ему всё, чего был лишен в его годы. Но я... упустил что-то главное. Что-то, что нельзя купить и во что нельзя инвестировать. И теперь я остался с огромной империей... и с ничем. С одним лишь осознанием того, что мой сын умер, так и не узнав, что такое быть по-настоящему живым.

Он замолчал, вновь глядя на портрет.

— Ваши слова... они ужасны. Но, боюсь, в них есть доля правды. Грубой и неудобной.

Тая стояла, не зная, что сказать. Ее гнев испарился, оста-

вив после себя странную смесь жалости и настороженности. Она видела его уязвимость, и это пугало ее еще больше, чем его гнев.

— Я не хочу, чтобы Никита повторил путь своего отца, — наконец выдохнула она. — Я хочу, чтобы он был добрым. Чутким. Чтобы он умел любить и быть любимым. Этому вы его научите.

Арсений Викторович медленно кивнул, все еще не глядя на нее.

— Ладно, — тихо сказал он. — Убедили. Мисс Эдит получит четкие распоряжения с завтрашнего дня. Вы будете вместе заниматься развитием Никиты. Мисс Эдит умерит свое рвение, а вы добавите игр и внимания. Но я буду следить. И я ожидаю прогресса. Можете идти.

Тая молча кивнула и, почти не чувствуя под собой ног, вышла из кабинета. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком. Она прислонилась к холодной стене коридора, пытаясь осознать, что только что произошло.

Она не просто отстояла право быть матерью. Она, кажется, пробила брешь в неприступной крепости Арсения Викторовича Крутова. И теперь стало еще страшнее. Потому что противник, которого она начала понимать, был гораздо опаснее бездушного тирана.

Прошло несколько недель после того разговора. Напряже-

ние в доме, если и ослабло, то не намного. Мисс Эдит, получив указания, стала сдержаннее, но ее холодная, методичная натура все равно проскальзывала в каждом слове. Тая старалась находить компромиссы, стискивая свои «глупые» игры и смех в строгий распорядок дня.

Новой точкой столкновения стало образование. Вернее, его отсутствие, с точки зрения Арсения Викторовича.

Однажды вечером, за ужином, Никита, разгоряченный игрой, радостно и сбивчиво начал рассказывать, как они с мамой «пускали кораблики» в большой луже у фонтана. Он тыкал пальчиком в тарелку, показывая, как они плавали, счастливо смеясь.

Арсений Викторович слушал с каменным лицом, а потом его взгляд упал на руки мальчика. Ногти были подстрижены, но под ними отчетливо виднелась темная каемка земли.

— Ты играл в грязи? — его голос прозвучал как удар хлыста, резко оборвав детский лепет.

Никита instantly замолчал, испуганно сжался и посмотрел на маму.

— Это... мы просто немного испачкались, — тихо начала Тая. — Он же ребенок, он познает мир...

— Познает мир? — Крутов отставил вилку. Звякнув, она ударилась о тарелку. — Он познает мир через грязь и бактерии? Вы понимаете, что это не только негигиенично, но и попросту неприлично? У меня растет наследник, а не улич-

ный беспризорник. С завтрашнего дня все прогулки — только по расчищенным дорожкам. И в перчатках.

— В перчатках? — не поверила своим ушам Тая. — Но он же должен чувствовать траву, песок, листья! Это важно для развития!

— Для развития важны чистые руки и понятия о субординации! — его голос загремел, заставив Никиту расплакаться. — Я вижу, ваше влияние сводит на нет все усилия по привитию ему должных манер. Он начинает вести себя как... как обычный дворовый мальчишка.

Тая вскочила с места. Спокойствие, найденное после последнего разговора, испарилось.

— Он и есть обычный мальчишка! И он имеет право пачкать руки, падать, набивать шишки! Иметь свое детство, а не быть запертым в стерильной коробке, как... как ваши акции в сейфе! Вы хотите вырастить такого же тепличного растения, каким был Глеб? Хрупкого, который поскользнулся на мокром полу и разбился? Может, именно потому он и был таким неуклюжим в жизни, что его никогда не выпускали побегать по лужам и залезть на дерево?!

Она сказала это на одном дыхании, снова, как тогда, не думая о последствиях. Слово «Глеб» повисло в воздухе тяжелым, ядовитым туманом. Никита рыдал громче.

Арсений Викторович медленно поднялся. Он был бледен, а его глаза горели холодным огнем.

Глава 7

— Вы... переходите все границы, — прошипел он так тихо, что стало страшно. — Вы пользуетесь моей... снисходительностью, чтобы оскорблять память моего сына и подвергать опасности здоровье моего внука. Вы забываетесь, Таисия. Вы забываете, где находитесь и кто здесь принимает решения.

— Я забываю? — ее собственный голос дрожал от ярости и отчаяния. — Нет, это вы забыли! Забыли, что ребенок — это не бизнес-актив! Его нельзя упаковать в стерильную пленку и положить на полку до совершеннолетия! Он живой! И если он будет бояться испачкаться, он будет бояться и ошибаться, и пробовать новое, и жить полной жизнью! Вы хотите для него безопасности или жизни?!

Они стояли друг напротив друга через весь стол, как два враждующих полководца на поле боя, залитом слезами ребенка.

Вдруг Арсений Викторович резко развернулся и вышел из столовой, хлопнув дверью так, что задребезжали хрустальные бокалы в серванте.

Тая, вся трясась, опустилась на колени перед рыдающим сыном.

— Тихо, солнышко, тихо, все хорошо... — она обнимала его, пытаясь успокоить, но сама нуждалась в успокоении.

Она понимала, что зашла слишком далеко. Слишком больно ткнула его в самое свежее и незаживающее рану. Теперь ее ждала расплата. Возможно, настоящая, на этот раз без всяких компромиссов.

Но через час, когда она укладывала заплакавшего Никиту спать, в дверь детской постучали. Вошел Арсений Викторович. Он выглядел уставшим. В руках он держал небольшую коробку.

Не говоря ни слова, он подошел к кровати и поставил коробку на тумбочку. Внутри лежали яркие, прочные резиновые сапожки и детские перчатки — не строгие кожаные, а теплые, удобные, предназначенные для игр на улице.

Он посмотрел на спящего внука, потом поднял взгляд на Тая. В его глазах уже не было гнева. Была сложная, невысказанная дума.

— Завтра, — тихо сказал он, — если будет хорошая погода... можете показать ему, как пускают кораблики. Но чтобы руки были в тепле. И... чтобы не простудился.

И, не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел.

Тая смотрела на закрытую дверь, потом на новые сапожки. Это была не победа. Это было хрупкое, зыбкое перемирие. Но впервые он не просто уступил. Он попытался понять. И в этом была крошечная, но такая важная надежда.

Прошла неделя после хрупкого перемирия с резиновыми сапогами. Погода испортилась, зарядили холодные дожди, и прогулки пришлось отложить. Напряжение в доме вновь начало нарастать, как давление перед грозой.

Однажды после обеда, когда Тая читала Никите книгу в гостиной, а за окном хлестал дождь, в холле послышались неожиданные звуки: легкие, быстрые шаги на каблуках, звонкий женский голос и почтительный, но растерянный ответ Игоря.

— Господин Крутов? Его нет? Ну ничего, я подожду. У нас же с Арсением Викторовичем... личные дела.

Дверь в гостиную распахнулась без стука. На пороге стояла она. Высокая, ослепительно красивая, в идеально сидящем пальто цвета пудры, с каплями дождя, сверкающими на дорогом кашемире, как бриллианты. Ее волосы были убраны в безупречную укладку, макияж безукоризнен. От нее пахло дорогими духами и холодным городским воздухом.

Это была Алиса Демидова. Светская львица, чье лицо не сходило с обложек глянца. И, как поговаривали, одна из претенденток на место рядом с Арсением Викторовичем после смерти его сына.

Ех взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по скромной одежде Таи, по детской книжке в ее руках, по Никите, прижавшемуся к маме. В ее глазах вспыхнуло холодное презрение, мгновенно прикрытое сладкой, ядовитой улыбкой.

— Ой, простите, я, кажется, куда-то не туда, — произнесла она, но не ушла, а сделала несколько шагов внутрь, окидывая гостиную взглядом собственницы. — Арсений Викторович завел себе новую прислугу с ребенком? Как трогательно. Социальная ответственность, что ли?

Игорь, последовавший за ней, пытался вмешаться:

— Мисс Демидова, это...

— Я все понимаю, Игорь, не беспокойся, — она воздушно взмахнула рукой в идеальной лайковой перчатке, отрезая его. Ее внимание было всецело приковано к Тае. — Так вы горничная? Или няня? А ребенок... чей? Неужели наш суровый Арсений Викторович приютил у себя незапланированное потомство? Какой сюрприз.

Ее тон был слащавым, но каждое слово било точно в цель, унижая, оскорбляя, указывая на пропасть между ними.

Тая почувствовала, как кровь ударила в лицо. Она медленно встала, поставив Никиту за себя.

— Я мать этого ребенка, — сказала она тихо, но четко. Алиса приподняла идеально выщипанную бровь.

— Мать? — она рассмеялась, легонько и насмешливо. — Милая, вы что, тут все роли перепутали? Арсений Викторович, конечно, человек широкой души, но чтобы содержать под своей крышей какую-то... мамашу с прицепом... Это да-

же для него слишком. Он что, ваш спонсор? Или вы тут... по специальному назначению? — она намеренно сделала много значительную паузу.

Никита, напуганный тоном незнакомки, крепче ухватился за мамину ногу.

— Мама, кто это?

— Видишь, какая воспитанная мамаша, — язвительно заметила Алиса. — Даже ребенка не научила, что перебивать взрослых неприлично. Или у вас в... тех кругах, откуда вы родом, правила другие?

Тая сжала кулаки. Гнев, горячий и справедливый, заставил ее забыть про осторожность.

— Пожалуйста, покиньте дом, — сказала она, и ее голос зазвучал тверже. — Хозяина нет, а я не намерена терпеть оскорбления в свой адрес и адрес моего сына.

— Ой, какая вспыльчивая! — Алиса сделала преувеличенно испуганное лицо. — Уже хозяйничаете? Быстро вы обустроились. Но, милочка, запомните: я в этом доме — свой человек. А вы... вы просто временная помеха. Причуда Арсения Викторовича, которую скоро устранят. Так что советую вам знать свое место. И не строить из себя бедную невинную овечку. Я таких, как вы, видала — вас пруд пруди, крутятся вокруг денег, как мухи вокруг меда.

Она подошла еще ближе, снисходяще изучая Таю с ног до

ГОЛОВЫ.

— Скромненькая платьице, никакого макияжа... Классика жанра. Работаете на образ «бедной, но гордой»? Думаете, это его растрогает? Поверьте, ему быстро надоест эта игра в благотворительность. И тогда вам придется убираться отсюда. И советую сделать это по-хорошему, пока не вмешалась я.

Глава 8

Угроза висела в воздухе, густая и недвусмысленная. Тая понимала, что эта женщина не блефует. Она обладает влиянием и связями.

В этот момент в холле послышались твердые, быстрые шаги. В дверях гостиной появился Арсений Викторович. На его плечах блестели капли дождя, лицо было мрачным. Он одним взглядом окинул ситуацию: растерянный Игорь, плачущий Никита, прижавшийся к матери, и Алиса, стоящая в позе победительницы.

— Что здесь происходит? — его голос прозвучал тихо, но так, что по спине побежали мурашки.

Алиса мгновенно переменялась. Ее лицо расплылось в очаровательной, почти девичьей улыбке.

— Арсений, дорогой! Я заехала на минутку, а тут... не поняла, кто эта особа. Она что-то пыталась мне указывать. Я, кажется, помешала ей заниматься своими делами.

Она сделала шаг к нему, собираясь взять под руку, но он остался неподвижен, его взгляд был прикован к Тая. Он видел, как она дрожит, как старается сдержать слезы унижения и гнева.

— Она сказала тебе «пожалуйста, покиньте дом»? — уточнил Крутов, не глядя на Алису.

— Ну... в общем, да, но тон был просто ужасный... — залепетала Алиса.

— Тогда она была совершенно права, — перебил он ее. Его голос был ледяным. — Ты вломилась в мой дом в мое отсутствие и оскорбляла людей, которые здесь живут. Это недопустимо.

Алиса остолбенела. Ее уверенность мгновенно испарилась.

— Но, Арсений, я же... мы же... Ты не понимаешь, она...

— Я все прекрасно понимаю, — он перевел на нее тяжелый, не оставляющий сомнений взгляд. — Наше общение исчерпано. Игорь, проводите мисс Демидову. И чтобы ее больше никогда не было на моей территории.

Игорь, с облегчением выпрямившись, жестко указал рукой на выход. Алиса, багровая от ярости и унижения, бросила на Таю убийственный взгляд, полный ненависти, и, громко цокая каблучками, вышла, хлопнув дверью в холле.

В гостиной воцарилась тишина. Арсений Викторович медленно подошел к Тае. Он посмотрел на испуганного Никиту, потом на нее.

— Она не права, — тихо сказал он. — Вы здесь не временная помеха. Вы... живете здесь.

И, развернувшись, он ушел в свой кабинет, оставив Таю в полном смятении. Он не извинился. Не осудил ее. Но он защитил ее. Впервые. И эти его слова — «Вы живете здесь»

— прозвучали куда значительнонее любой формальной фразы.

Тишина, наступившая после ухода Алисы, была оглушительной. Тая все еще стояла, обнимая Никиту, не в силах пошевелиться. Слова Арсения Викторовича — «Вы живете здесь» — эхом отдавались в ее сознании, смешиваясь с ядовитыми насмешками светской львицы.

Она чувствовала себя одновременно и униженной, и... странно защищенной. Он встал на ее сторону. Не ради нее, конечно. Ради порядка в своем доме. Ради своего авторитета. Но факт оставался фактом: он выгнал ту, кто оскорбляла ее.

Никита тихо всхлипывал, уткнувшись лицом в ее живот.

— Мама, эта тетя злая?

— Ушла, солнышко, ушла, — шептала Тая, глядя его по волосам. — Все хорошо.

Но хорошо не было. Визит Алисы, словно луч прожектора, осветил всю шаткость и абсурдность ее положения. Для мира она была никем. Приживалкой. «Мамашей с прицепом», как точно, по-хамски, выразилась эта женщина. И никакие слова Крутова не могли изменить этого.

Вечер прошел натянуто. За ужином царило молчание. Арсений Викторович был мрачнее тучи и отвечал односложно. Тая не решалась поднять глаз от тарелки.

На следующий день она пыталась вернуться к рутине, но

ть вчерашнего унижения витала за ней по пятам. Каждый взгляд прислуги теперь казался ей оценивающим, полным скрытого пренебрежения. «Смотрите, это та самая, которую господин защитил от своей пассивности».

Новая стычка произошла спустя пару дней, и причиной стал, казалось бы, пустяк. Никита, вдохновленный историей, которую они читали, разрисовал фломастерами страницу из дорогого глянцевого журнала о бизнесе, валявшегося на журнальном столике. Он с гордостью показал Тая свой шедевр — кривого, веселого динозавра, топчущего скучные графики.

Тая улыбнулась, несмотря на внутренний трепет. Журнал явно был новым.

— Молодец, какой красивый динозаврик! Но в следующий раз давай рисовать в альбоме, хорошо?

В этот момент в гостиную вошел Арсений Викторович. Он собирался было пройти в кабинет, но его взгляд упал на журнал в руках у внука. Он нахмурился.

— Что это? Ты порвешь журналы?

Никита, испугавшись строгого тона, спрятал рисунок за спину.

— Я... я рисовал...

Крутов протянул руку.

— Покажи.

Мальчик испуганно отдал ему журнал. Арсений Викторович взглянул на разукрашенную страницу, и его лицо потемнело.

— Это последний номер, его еще не успели внести в архив. Кто разрешил тебе брать чужие вещи и портить их?

— Он не портил, он... творил, — не удержалась Тая, вставая на защиту сына. — Он ребенок. Он увидел белую бумагу и проявил фантазию. Это же не умышленно.

— Фантазию? — Крутов холодно посмотрел на нее. — В этом доме есть правила. Бережное отношение к вещам — одно из них. Его нужно учить, что можно, а что нельзя. А не поощрять безответственность.

— Безответственность? — в голосе Таи снова зазвенели опасные нотки. Последние дни давили на нее слишком сильно. — Вы хотите сказать, что ваш журнал важнее его порыва? Важнее его радости? Это всего лишь бумага! Его рисунок уникален, а ваш журнал... его можно купить еще дюжину!

— Это не просто бумага! — его голос загремел, заставляя Никиту вздрогнуть. — Это символ порядка! Понимания ценности вещей! Я не хочу, чтобы он рос варваром, который считает, что все ему дозволено!

— А я не хочу, чтобы он рос человеком, который видит ценность только в деньгах и статусе, а не в живых эмоциях!

— парировала она, уже не думая о последствиях. — Вы готовы ради порядка и «ценных вещей» подавить в нем всякое желание творить? Чтобы он вырос таким же... таким же правильным и пустым, как этот журнал?!

Она снова задела больное. Снова произнесла вслух то, о чем оба думали, но боялись сказать. Он смотрел на нее с таким негодованием, что, казалось, вот-вот взорвется.

Глава 9

Но вместо взрыва он резко швырнул испорченный журнал на стол.

— Хорошо, — прошипел он. — Раз уж его «творчество» так важно, пусть это и будет его единственным занятием на сегодня. Вместо прогулки и английского с мисс Эдит будет сидеть и рисовать. Пока не испортит всю пачку бумаги. Чтобы понял, что такое настоящий труд и где его место.

Это было не наказание. Это было издевательство. Превратить радость в принудительную повинность.

— Вы не имеете права! — вырвалось у Таи.

— Имею! — отрезал он. — Пока вы живете под моей крышей, я решаю, что имеет значение, а что — нет. Или вы забыли, что сказала та самая «тетя»? Вы здесь по моей воле. И я могу эту волю изменить.

Он повернулся и ушел, оставив ее с уничтоженным ребенком и с пачкой чистой бумаги, которая вдруг стала выглядеть как орудие пытки.

Тая опустила на шелковую обивку дивана в гостиной, чувствуя себя не просто уставшей, а окончательно разбитой, выжатой досуха. Она проиграла. Снова. Арсений Викторович с хирургической точностью дал ей немного иллюзии контроля, позволил поверить, что у нее есть хоть ка-

кое-то право голоса в этом доме, а затем одним точным, холодным ударом — через свою сестру — жестоко и наглядно напомнил, кто здесь истинный хозяин. И самое горькое, самое унижительное было в том, что он, по сути, был прав. Ее присутствие здесь, сама возможность дышать этим воздухом, кормить своего сына — все это было лишь по его милости, по его прихоти. И эта мысль жгла изнутри, была горче любых откровенных оскорблений со стороны Алисы Демидовой. Та была открытым врагом, а эта осознанная зависимость — тюрьмой без решеток.

Прошло несколько дней после инцидента с журналом. В огромном особняке воцарилось звенящее, ледяное молчание, тяжелое, как свинец. Арсений Викторович полностью исчез из их с Никитой жизни, не появляясь на совместных обедах и ужинах, проводя все время в своем кабинете за закрытыми дверями или на бесконечных совещаниях в городе. Его отсутствие было красноречивее любого крика. Тая чувствовала себя заключенной в роскошной, идеально отреставрированной тюрьме, где каждое ее движение, каждая попытка занять сына, каждый вздох Никиты находились под незримым, но неусыпным контролем многочисленной прислуги, этих безмолвных стражей его империи.

Однажды утром, когда слабый осенний свет едва пробивался сквозь высокие окна, Тая, уже измотанная морально, пыталась уговорить расхныкавшегося Никиту надеть на прогулку те самые резиновые сапоги — ярко-желтые, с фигур-

ками лягушат. Мальчик наотрез отказывался, инстинктивно помня, что эти сапоги стали для него символом какого-то непонятного, но строгого запрета и маминых внезапных слез. Он упирался, капризничал, и Тая готова была уже сдаться, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слезы бессилия.

Однажды утром, когда Тая пыталась уговорить Никиту надеть на прогулку те самые резиновые сапоги (мальчик наотрез отказывался, помня, что они стали символом какого-то непонятного ему запрета и маминых слез), в детскую без стука вошел Игорь.

— Господин Крутов просит вас обоих в холл. Срочно, — произнес он своим бесстрастным тоном.

Сердце Таи упало. Что теперь? Новая кара? Окончательный приговор? Взяв за руку напуганного Никиту, она спустилась вниз.

В холле, рядом с Арсением Викторовичем, стоял незнакомый мужчина в очках и с дипломатом. Его вид кричал о законности и порядке.

— Это господин Соколов, нотариус, — холодно представил его Крутов, не глядя на Таю. — Мы здесь для того, чтобы оформить документы.

У Таи перехватило дыхание. Это был тот самый момент. Он решил избавиться от них. Лишить ее прав. Все ее борьба, все унижения оказались напрасны.

— Арсений Викторович, прошу вас... — начала она, но он резко прервал ее.

— Молчите и слушайте, — его тон не допускал возражений. Он повернулся к нотариусу. — Приступайте.

Нотариус, щелкнув дипломатом, извлек стопку бумаг.

— Да. Итак, документ касается несовершеннолетнего Никиты Крутова. Господин Крутов, вы подтверждаете, что являетесь биологическим дедом ребенка и признаете его своим прямым наследником?

— Подтверждаю и признаю, — отчеканил Арсений Викторович.

Тая сжала руку Никиты так, что он всхлипнул. Вот оно. Сейчас он потребует отказ.

Нотариус кивнул и перевел взгляд на Таю.

— А вы, Таисия Орлова, подтверждаете, что являетесь биологической матерью Никиты Крутова и не отказываетесь от своих родительских прав в пользу Арсения Викторовича Крутова?

Она смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Глаза застилали слезы. Она медленно, с трудом, покачала головой.

— Я... не откажусь. Никогда, — прошептала она.

Нотариус снова кивнул, делая пометку.

— Это ваше право. Однако, согласно воле Арсения Викторовича, с настоящего момента на имя Никиты Крутова открывается целевой счет, на который ежемесячно будут перечисляться средства на его содержание, образование и лечение. Вы, как законный представитель, будете иметь к нему доступ, но все траты будут контролироваться и должны быть обоснованы. Кроме того, — нотариус перелистнул страницу, — Арсений Викторович составляет завещание, в котором единственным наследником всей своей движимой и недвижимой собственности, а также контрольного пакета акций компании «Крутов-Холдинг» указывает Никиту Крутова. До его совершеннолетия управление осуществляет назначенный опекун и попечительский совет.

Тая стояла, не понимая. Это был не отказ. Это было... признание. Официальное, законное, железобетонное признание прав Никиты. Но не ее. Ее даже не упомянули.

— А... а я? — выдавила она, чувствуя себя совершенно потерянной.

Глава 10

Арсений Викторович наконец повернулся к ней. Его лицо было непроницаемым.

— Вы остаетесь его матерью. На бумаге и по факту. Но финансово и юридически его будущее теперь обеспечено мной. Без всяких условий. Это его право по рождению.

Он сделал паузу, и в его глазах промелькнуло что-то сложное.

— Вы были правы. Я не могу купить его любовь. Не могу контролировать его... творческие порывы. Но я могу гарантировать, что он никогда не будет зависеть от чьей-то милости. Ни от моей. Ни от чьей бы то ни было еще.

Он взял у нотариуса перо и с твердой рукой поставил свою подпись на документах. Звук пера, скользящего по бумаге, прозвучал как гром среди ясного неба.

Нотариус собрал бумаги, вежливо кивнул и удалился вместе с Игорем.

В холле остались они трое. Тая, все еще не в силах осознать произошедшее, смотрела на Арсения Викторовича. Он смотрел на Никиту, который, не понимая сути произошедшего, с интересом разглядывал узор на мраморном полу.

— Почему? — тихо спросила Тая. — После всего, что я

сказала... после скандалов...

Он тяжело вздохнул.

— Потому что та «тетя», как вы ее назвали, была не права. Вы здесь не по моей милости. — Он на секунду замолчал, подбирая слова. — Вы здесь... потому что вы — его мать. И потому что вы единственный человек, который осмеливается говорить мне правду. Даже самую неприятную. А это... дорогого стоит.

Он не сказал ничего больше. Не извинился. Не просил прощения. Он просто развернулся и ушел в свой кабинет, оставив ее одну с сыном и с грохотом новых, невероятных мыслей в голове.

Он не отнял у нее сына. Он защитил его будущее. И впервые назвал ее присутствие здесь не своей прихотью, а... необходимостью.

Прошла неделя после визита нотариуса. Лежачая мина, на которой жил дом, казалось, была на время обезврежена. Арсений Викторович по-прежнему был сдержан и немногословен, но в его отношении к Тае и Никите исчезла прежняя ядовитая колкость. Теперь в ней читалась скорее отстраненная, но уважительная дистанция.

Однажды вечером, когда Тая укладывала Никиту спать, мальчик, уже почти смыкая глаза, прошептал:

— Мама, а дедуля тоже будет читать мне сказку когда-ни-

будь?

Этот простой, детский вопрос заставил ее сердце сжаться. Она погладила его по волосам.

— Не знаю, солнышко. Дедуля очень занят.

— Но он же теперь наш? — наивно уточнил Никита и тут же уснул.

Слово «наш» звенело в тишине комнаты. Оно было таким же неуместным в этом доме, как и она сама, и одновременно таким же желанным.

На следующее утро за завтраком Тая, собравшись с духом, нарушила привычное молчание.

— Арсений Викторович, Никита... он спрашивал, будете ли вы когда-нибудь читать ему сказку на ночь.

Он поднял на нее взгляд над газетой, но ничего не сказал. Его лицо не выражало ни раздражения, ни интереса.

— Мне кажется, ему не хватает... дедушки, — тихо добавила она, чувствуя, как краснеет. Это была уже не просьба, а настоящее вторжение на его личную территорию.

Он медленно отложил газету.

— Я не умею читать сказки, Таисия. Я не знаю никаких сказок.

— Это не самое главное, — рискнула она. — Главное — быть рядом.

Он ничего не ответил, взял кофе и удалился в кабинет. Тая подумала, что снова совершила ошибку.

Но вечером, когда она уже заканчивала читать Никите историю про храброго мышонка, в дверь детской постучали. В проеме стоял Арсений Викторович. Он был без пиджака, в жилете, и выглядел неловко, почти растерянно. В руках он держал не книгу, а толстый отчет в кожаном переплете.

— Я... не нашел сказок, — произнес он глуховатым голосом. — Но если ему интересно... я могу прочитать о новых технологиях в строительстве. Очень... увлекательно.

Никита, уже сонный, смотрел на него широко раскрытыми глазами. Тая с трудом сдержала улыбку. Это было так нелепо и так по-своему трогательно.

— Технологии — это про экскаваторы? — серьезно поинтересовался Никита.

Арсений Викторович, казалось, был ошарашен вопросом.

— Э... в общем, да. И про краны. И про бетон.

— Круто! — оживился мальчик. — Читай!

Крутов неуверенно переступил с ноги на ногу, затем подошел и сел на краешек кресла у кровати. Он раскрыл тяжелый фолиант и начал монотонно читать сложные термины и цифры. Его голос, привыкший отдавать приказы, звучал неестественно и скованно.

Никита слушал минуты три, затем его глазки начали слипаться. Через пять минут он уже крепко спал, убаюканный

скуднейшим отчетом и низким, бархатным голосом деда.

Арсений Викторович замолчал, глядя на спящего внука. Он сидел неподвижно, и в его глазах читалось какое-то новое, незнакомое чувство. Нежность? Растерянность? Он осторожно, будто боясь разбить, положил руку на детскую головку, касаясь мягких волос.

Тая наблюдала за этой сценой, затаив дыхание. Она видела, как трещина в его ледяной броне становится все шире.

Он медленно поднялся, стараясь не шуметь.

— Спокойной ночи, — тихо сказал он ей, не глядя в глаза, и вышел.

С тех пор это не стало ритуалом, но по возможности Арсений Викторович приходил в детскую и читал Никите на ночь что-нибудь невообразимо скучное — финансовые отчеты, биографии промышленников, техническую документацию. И в этот вечер Никита засыпал под этот монотонный гул, а его дед сидел с ним еще несколько минут, просто глядя на него и периодически поправляя одеяло.

Он все так же был суровым и требовательным. Он все так же спорил с Таей о методах воспитания и распорядке дня. Но в доме появилось что-то новое. Что-то теплое и хрупкое, что постепенно растапливало лед между ними. И самое главное — он начал учиться. Не учить, а учиться. Учиться любить.

Глава 11

Прошло несколько недель. Весеннее солнце наконец растопило последний снег, и сад вокруг особняка ожил, наполнившись птичьим гомоном и свежей зеленью. Никита, как и всякий нормальный ребенок, рвался на улицу, чтобы исследовать каждую лужу, каждую прошлогоднюю шишку и каждую проклюнувшуюся травинку.

Именно эта страсть к исследованию и стала причиной новой стычки.

Тая, вооружившись теми самыми резиновыми сапогами и курткой, вывела сына в сад. Они отправились в дальний угол, где под старой раскидистой ивой лежало несколько больших камней, поросших мхом. Для Никиты это был целый мир пещер и замков.

Тая, увлеченная его восторгом, на мгновение отвлеклась, отвечая на сообщение от матери на телефоне. Этого мгновения хватило.

Она услышала счастливый визг и обернулась. Никита, сияя от восторга, бежал к ней, сжимая в грязных, мокрых от земли ручонках огромного, жирного дождевого червя.

— Мама, смотри! Друг! Он живой!

В этот момент из-за поворота аллеи появился Арсений Викторович. Он совершал свой ежевечерний обход владений. Его взгляд упал на внука. На его перепачканную в грязи куртку. На его руки, в которых извивалось нечто отвратительное. И на его сияющее, счастливое лицо.

Лицо Крутова исказилось гримасой брезгливости и... паники.

— Брось эту гадость немедленно! — его команда прозвучала так громко и резко, что Никита вздрогнул и замер на месте, а червь выскользнул из его пальцев и шлепнулся в лужу. — Что это?! Руки! Посмотри на свои руки! Они в грязи! В микробах!

Он говорил с настоящим ужасом, словно мальчик поднял не червя, а ядовитую змею.

Никита, оглушенный криком, раздавленный тем, что его «друг» — это «гадость», расплакался.

— Он... он хороший... — всхлипывал он.

— Хороший? — Арсений Викторович был вне себя. Он схватил Никиту за руку, отдергивая его от лужи. — Это паразит! Переносчик болезней! Ты что, не понимаешь? Сейчас

же марш в дом! Мыть руки с мылом! И сжечь эту куртку!

— Арсений Викторович, успокойтесь! — вступилась Тая, пытаясь освободить руку сына. — Это всего лишь дождевой червь! Он безобидный! Все дети их ловят!

— Все дети? — он повернулся к ней, и в его глазах бушевала настоящая буря. Его брезгливость явно была иррациональной, глубокой, почти животной. — Все дети ползают в грязи и таскают в руки мерзость? Это вы называете нормальным? Я не хочу, чтобы мой внук был как «все дети»! Я не хочу, чтобы он был... грязным!

— Он не грязный, он живой! — закричала Тая в ответ, теряя самообладание. Его реакция была неадекватной, и это ее пугало. — Он познает мир! Он не боится прикоснуться к нему! В отличие от вас! Вы боитесь всего живого, что не упаковано в стерильную оболочку! Вы боитесь грязи, эмоций, чувств! Вы хотите запереть его в стеклянный ящик, как свою коллекцию дорогих часов, чтобы ни одна пылинка не смела к нему прикоснуться! Вы растите не человека, а экспонат!

Они стояли друг против друга посреди awakening сада — он, сжимая руку плачущего ребенка, она — с глазами, полными слез ярости и обиды за сына. Между ними на земле беспомощно извивался виновник скандала.

— Я не допущу, чтобы он рос в грязи и антисанитарии!
— прошипел он. — Я знаю, к чему это приводит! Я видел...

Он вдруг замолчал, сжал губы. Боль, та самая, глубокая и старая, мелькнула в его глазах, гася гнев. Он резко отпустил руку Никиты.

— В дом. Немедленно, — бросил он уже более сдержанно, но все так же непреклонно, и быстрыми шагами направился к особняку, оставив их одних.

Тая, вся дрожа, подняла с земли ревущего Никиту и понесла его домой. Она мыла его в ванной, а он все плакал, повторяя: «Он же хороший, он же друг...»

В тот вечер Арсений Викторович был мрачнее тучи. Дом снова погрузился в ледяное молчание. Но на этот раз в нем висело нечто большее, чем просто гнев. Висело признание какого-то старого, незажившего страха. И Тая понимала, что эта стычка была не просто о черве. Она была о чем-то гораздо более глубоком и болезненном, о чем он не мог и не хотел говорить.

На следующий день в доме стояла гробовая тишина. Арсений Викторович не вышел к завтраку. Игорь передал, что хозяин нездоров и просит не беспокоить. Тая чувствовала

себя виноватой и растерянной. Ее слова, брошенные в гнев, явно попали в какую-то открытую рану.

К вечеру тревога за него пересилила страх. Она налила в чашку бульона, который варила для Никиты — наваристый, домашний, с мелко нарезанной зеленью — и понесла в его кабинет.

Дверь была приоткрыта. Она постучала и, не дождавсь ответа, осторожно вошла.

Кабинет был погружен в полумрак. Шторы были задернуты. Арсений Викторович сидел в своем кресле, откинув голову назад. Он не спал. Его лицо при свете настольной лампы выглядело уставшим и постаревшим. На столе перед ним стоял недопитый виски.

— Я принесла вам бульона, — тихо сказала Тая, ставя чашку на край стола. — Вам стоит что-то поесть.

Он медленно повернул к ней голову. Его взгляд был пустым.

— Оставьте.

Она не ушла. Она видела, что с ним что-то не так. Что-то серьезное.

— Арсений Викторович... что случилось? Вчера... я не хотела...

— Вы не знали, — перебил он ее, и его голос звучал глухо, безжизненно. — Вы не знали, откуда эта... брезгливость.

Он помолчал, глядя в темноту за шторами.

— У Глеба была няня. Вера Степановна. Пожилая, добрая женщина. Он ее обожал. Она... разрешала ему все то, что вы называете «познанием мира». Копаться в земле, ловить жуков, возиться с дворовыми собачатами. Она называла его «мой маленький исследователь».

Он сжал руку в кулак, костяшки побелели.

— Однажды он принес в дом какую-то заразу. С грязных рук. Банальная кишечная инфекция. Но его организм, изнеженный стерильной чистотой, с ней не справился. Он чуть не умер. Неделю он провел в реанимации под капельницами. Тая замерла, слушая.

Глава 12

Тая замерла, слушая.

— Моя жена... — голос Крутова дрогнул. — Она не пережила этого. У нее было слабое сердце. Испуг, бессонные ночи у его постели... Ее не стало через месяц после его выписки. Инфаркт.

Он сделал глоток виски, его рука дрожала.

— После этого я уволил Веру Степановну. Выбросил все его «коллекции» жуков и камней. Запретил ему прикасаться к чему бы то ни было на улице. Я окружил его стерильной чистотой, как стеклянным колпаком. Я думал, что спасаю его. А в итоге... — он горько усмехнулся, — я вырастил человека, который боялся жизни. Который искал острых ощущений в глупых спорах и погоне за легкими эмоциями, потому что был лишен всего настоящего, всего живого. И в конце концов он нашел свою смерть на идеально начищенном мраморном полу. Из-за нелепой случайности, к которой был не готов. Потому что я не научил его быть осторожным с реальным миром. Я просто спрятал его от мира.

Он умолк. В кабинете повисла тишина, тяжелая и исповедальная.

Тая смотрела на него, и ее сердце сжималось от боли. Теперь она понимала. Его иррациональный страх, его мани-

акальная чистота, его желание контролировать каждую мелочь — это была не просто блажь тирана. Это была незаживающая травма. Попытка заглушить вину и ужас прошлого.

— Вы не виноваты, — тихо сказала она. — Вы пытались защитить его. Как любой отец.

— Но это не сработало, — он посмотрел на нее, и в его глазах стояла неприкрытая боль. — И теперь я вижу, как Никита тянется к тому же самому. К земле, к червям, к жизни. И я снова чувствую этот ужас. Этот парализующий страх, что я снова все испорчу. Что из-за моей слепоты или из-за вашей... снисходительности с ним случится беда.

Он говорил «вы», но имел в виду себя. Он боялся самого себя. Своего прошлого опыта.

Тая подошла ближе и осторожно присела на корточки рядом с его креслом, как раньше садилась рядом с плачущим Никитой.

— Вы не испортите, — сказала она мягко, но твердо. — Потому что теперь вы не один. Я здесь. И я не позволю ему съесть червя. Но я и не позволю запереть его в стерильную коробку. Мы будем учить его вместе. Учить быть осторожным, но не трусливым. Сильным, но не жестоким. Мы можем научиться этому вместе. Если вы позволите.

Он смотрел на нее, на ее простое, искреннее лицо, на глаза, в которых не было осуждения, а было лишь понимание и... надежда. Он медленно, почти машинально, потянулся к

чашке с бульоном и сделал глоток.

— Он... теплый, — произнес он, словно удивляясь простому факту.

— Домашняя еда всегда лучше лечит, чем виски, — тихо улыбнулась Тая.

Он не ответил на улыбку, но отпил еще глоток. И в этом простом действии было что-то важное. Капитуляция. Не перед ней, а перед необходимостью меняться. Признание, что он не всесилен. Что ему нужна помощь.

— Завтра, — сказал он хрипло, — если будет хорошая погода... вы можете показать ему... как правильно брать червей. Чтобы не раздавить. И чтобы руки потом мыть. С мылом.

— Обязательно, — кивнула Тая. — Я научу его. И он научит нас.

Она вышла из кабинета, оставив его одного с чашкой теплого бульона и с тяжелым грузом прошлого, который, возможно, впервые за долгие годы стал чуть-чуть легче. Война не закончилась. Но на смену стычкам приходило перемирие, основанное не на силе, а на взаимной боли и взаимном исцелении.

Но именно после этого что-то начало меняться. Медленно, почти незаметно.

Тая перестала идти на пролом. Она начала действовать иначе. По утрам она сама, без напоминаний, стала готовить

для Арсения Викторовича кофе. Не тот, что делал повар, а тот, что умела варить она — с щепоткой соли и кардамоном, как делал ее отец. Молча ставила чашку ему на поднос с утренней почтой и так же молча уходила.

Она не сидела сложа руки. Она перебрала всю детскую одежду, которую закупил Игорь, и аккуратно подшила то, что было велико Никите. Она нашла на кухне старую плетеную корзину и сложила в нее разбросанные по комнате игрушки, создав подобие уюта.

Как-то раз Арсений Викторович зашел в гостиную и застал ее на ковре перед камином. Она показывала Никите, как делать самолетики из старой газеты, которую кто-то оставил на столе. Они смеялись, стараясь запустить их так, чтобы они долетели до огня.

Крутов замер в дверях, наблюдая. Он видел, как свет огня играет на их счастливых, сосредоточенных лицах. Как сын смотрит на мать с обожанием и полным доверием. Этого нельзя было купить ни за какие деньги. Этого не могла дать ни одна гувернантка.

— Дедуля! — вдруг крикнул Никита, заметив его. — Иди к нам! Помоги, у меня не получается!

Арсений Викторович застыл, словно его прикоснулись раскаленным железом. Он колебался мгновение, а затем, к собственному удивлению, медленно подошел и опустился на колени на мягкий ковер. Его идеально отутюженные брюки смялись.

— Вот так, — тихо сказала Тая, и ее пальцы, ловкие и уверенные, коснулись его ладони, вкладывая в нее бумажный самолётик. — Нужно дуть легче, иначе он перевернется.

Он, человек, привыкший отдавать приказы и держать под контролем многомиллионные сделки, сконфуженно дунул на хлипкое бумажное изделие. Самолетик дрогнул и поплыл по воздуху. Никита залился счастливым смехом.

— Получилось! Дедуля, ты молодец!

Арсений Викторович поднял взгляд на Таю. Она смотрела на него не со страхом или ненавистью, а с... теплой, немного грустной улыбкой. В ее глазах он увидел не золотоискательницу, не расчетливую авантюристку, а просто молодую женщину, которая изо всех сил старается защитить своего ребенка. И которая, вопреки всему, сохранила в этой холодной крепости каплю тепла и жизни.

Тот вечер он полностью посвятил Никите и Тае. А на следующее утро чашка кофе, которую Тая поставила ему на поднос, дожидалась его уже не одна. Рядом с ней лежал маленький, кривой, но очень старательно сделанный бумажный самолётик.

Глава 13

Прошло несколько недель. В особняке Крутова наступила странная, зыбкая идиллия. После исповеди Арсения Викторовича о прошлом стены между ними не рухнули, но стали тоньше, прозрачнее. Он все так же мог ворчать по поводу разбросанных игрушек или слишком громкого смеха, но в его ворчливости уже не было прежней ледяной непримиримости. Скорее — привычка, ритуал.

Он действительно стал учиться. Однажды Тая, заглянув в кабинет, застала его за изучением в интернете «безопасных способов изучения природы для детей дошкольного возраста». Он так смутился, что моментально закрыл вкладку, сделав вид, что изучает биржевые сводки, но крошки земли на клавиатуре от недавнего совместного с Никитой изучения комочка грунта выдавали его с головой.

Они вместе, по вечерам, читали теперь не только отчеты. В арсенале Крутова появилась детская энциклопедия о насекомых и книга с русскими народными сказками, которую Тая купила втайне и подсунула ему на стол. Он читал их с той же деловой серьезностью, что и доклады, и Никите это нравилось.

Казалось, жизнь начала налаживаться. Сливаться в единое, пусть и все еще awkward, целое.

Однажды солнечным утром, когда они втроем завтракали

на веранде (Арсений Викторович теперь иногда присоединялся к ним), в холле раздался настойчивый звонок домофона. Игорь, подойдя к экрану, вдруг выпрямился и бросил на хозяина тревожный взгляд.

— Господин Крутов, это... полиция.

Ложка в руке Таи задрожала, звякнув о блюде. Лекарство от прошлого, которое они так медленно и трудно начинали принимать, оказалось горьким. Арсений Викторович побледнел, но лицо его осталось непроницаемым.

— Впустите.

В столовую вошли двое людей в строгой форме. Один — старший по званию — с сочувственным, но официальным выражением лица.

— Арсений Викторович Крутов? Простите за беспокойство. Мы ведем повторное расследование обстоятельств смерти вашего сына, Глеба Арсеньевича. Поступила новая информация.

Тая инстинктивно потянулась к Никите, прижала его к себе. Мальчик, чувствуя напряжение, притих.

— Какая информация? — голос Крутова был ровным, металлическим.

— Были проведены дополнительные экспертизы. Версия о неосторожном падении... ставится под сомнение. Мы не исключаем версию умышленного причинения вреда. На балюстраде лестницы, о которую, как предполагалось, он ударился, обнаружены микрочастицы, не соответствующие со-

ставу напольного покрытия. Возможно, был сторонний предмет. Или... толчок.

Воздух словно выкачали из комнаты. Арсений Викторович медленно поднялся, опираясь на стол.

— Вы хотите сказать... что это могло быть убийство?

— Мы рассматриваем все версии, — осторожно ответил следователь. — Вам кто-нибудь угрожал? У вашего сына были враги? Кто-то, кто мог быть заинтересован в его смерти?

Крутов молчал, переваривая удар. Его мир, который только начал приходить в равновесие, снова закружился в водовороте хаоса и подозрений.

— Угрожали мне. Всегда. Он... был наследником. Его смерть многих... обогатила, — он с трудом выдавил это слово, и его взгляд сам собой упал на Никиту. На нового, юного наследника.

Взгляд следователя последовал за его взглядом.

— Это ваш внук? — он сделал пометку в блокноте. — Нам потребуется провести повторный опрос всего персонала, кто был в доме в тот вечер. И... возможно, поговорить с вами еще раз. Более подробно.

Когда полицейские ушли, в столовой повисла гробовая тишина. Идиллия рассыпалась в прах, обнажив старые, не зажившие раны и открыв новые, куда более страшные.

Арсений Викторович стоял у окна, отвернувшись от них. Его плечи были напряжены.

— Он был неосторожен, — вдруг тихо, словно самому се-

бе, произнес он. — Он всегда был неосторожен. Пьянствовал, брал в долг, ссорился с непонятными людьми... Я все списывал на молодость. А теперь... теперь выходит, что его убили? Из-за денег? Из-за наследства, которое он даже не успел получить?

Он обернулся. Его лицо было искажено не только горем, но и новым, леденящим душу страхом. Его взгляд упал на Таю и Никиту.

— Если это было убийство... — его голос сорвался. — Тогда он... он теперь в опасности. — Он посмотрел прямо на Таю, и в его глазах читался primal, животный ужас. — Они убили моего сына, чтобы добраться до меня. А теперь единственный, кто стоит между ними и всем этим... это он.

Он указал на Никиту дрожащей рукой.

Прежние споры о воспитании, червях и стерильности показались смешными и незначительными перед лицом этой новой, настоящей угрозы. Золотая клетка внезапно превратилась в крепость, осажденную невидимым врагом.

И Арсений Викторович снова изменился. Но на этот раз не в деда, а в охранника. В телохранителя. Его глаза снова стали холодными и calculating, но теперь в них горел не контроль, а страх.

— С сегодняшнего дня, — его голос снова стал приказным, но теперь в нем слышалась не тирания, а отчаянная решимость. — Никита не выходит за территорию. Никогда. Вы не покидаете дом без охраны. Я удваиваю охрану. И я найду

того, кто это сделал. Я должен.

Он посмотрел на Таю, и в его взгляде было что-то новое — не требование, а просьба. Признание, что он не справится один.

Их хрупкий мир рухнул. Но теперь их связывала не борьба друг с другом, а общая, страшная тайна и общая цель — защитить ребенка. Война была объявлена извне. И им предстояло вести ее вместе.

Глава 14

Прошла неделя. Дом, и правда, превратился в крепость. У ворот дежурили две машины с охраной вместо одной. По периметру установили дополнительные камеры. Игорь теперь не только управлял хозяйством, но и координировал работу службы безопасности, его лицо стало еще более замкнутым и озабоченным.

Арсений Викторович почти не выходил из кабинета. Он проводил дни и ночи за телефоном и компьютером, его голос, низкий и властный, доносился из-за дубовой двери — он вел переговоры, давил, требовал, пытаясь докопаться до истины. Он похудел, глаза запали, но в них горел неприкрытый огонь одержимости.

Тая чувствовала себя в западне. Теперь ее прогулки с Никитой ограничивались высоченным забором, а за ними неотступно следовал один из охранников — молчаливый и невозмутимый, как скала. Радость от весны, от первых цветов и пения птиц была отравлена постоянным, гнетущим чувством опасности.

Никита чувствовал напряжение. Он стал капризным, плохо спал, часто просился на руки.

— Мама, а тот дядя будет всегда с нами ходить? — тихо спросил он однажды, указывая на охранника.

— Ненадолго, солнышко, — соврала Тая, сжимая его руку. — Просто дедуля хочет, чтобы мы были в безопасности. Она сама не верила своим словам.

Однажды вечером, укладывая сына, она слышала из-за двери кабинета не просто гневные интонации, а нечто большее — леденящий душу, тихий, но полный такой ненависти голос Арсения Викторовича, которого она никогда раньше не слышала.

— ...Если это ты, то я уничтожу тебя. Ты знаешь, что я могу. И я сделаю это медленно.

Она замерла, прижав ухо к дереву. Ответа слышно не было — он говорил по телефону.

— Деньги? Деньги — это ерунда. Но ты посмел тронуть мою кровь. И за это ты заплатишь не деньгами. Ты заплатишь всем.

Он бросил трубку с такой силой, что Тая явственно услышала звук бьющегося пластика. В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь его тяжелым, прерывистым дыханием.

Тая, не в силах сдержаться, осторожно приоткрыла дверь. Он стоял посреди комнаты, спиной к ней, сжимая виски пальцами. Плечи его тряслись от ярости или от бессилия.

— Арсений Викторович? — тихо позвала она.

Он резко обернулся. Его лицо было бледным как полотно, глаза горели лихорадочным блеском.

— Что? — он бросил в ее сторону уничтожающий взгляд, но она не отступила.

— Вы нашли кого-то? Вы знаете, кто это?

Он отвернулся, сгреб со стола папку и швырнул ее ей в руки.

— Смотри. Если тебе не страшно.

Тая с дрожью в руках открыла папку. Внутри были распечатанные фотографии, финансовые выписки, распечатки переписок. И в центре — фотография улыбающегося молодого человека с дерзким, самоуверенным взглядом. Он был похож на Глеба — та же беспечная удаля, то же ощущение, что мир принадлежит ему.

— Это Марк, — прошипел Крутов. — Племянник моей покойной жены. Мой... протеже. Я поднял его из грязи, вложил в него деньги, сделал человеком. Он был как брат Глебу. Или... я так думал.

Тая листала страницы. Совпадения переводов крупных сумм перед смертью Глеба. Станные звонки. Свидетельские показания о их ссоре накануне.

— Но... зачем? — не поняла Тая.

— Зачем? — он горько усмехнулся. — Он всегда завидовал Глебу. Хотел его места. Хотел быть главным наследником. А когда понял, что это невозможно... решил убрать преграду. Он думал, что все спишут на несчастный случай.

И он почти преуспел.

Он подошел к ней вплотную. От него пахло дорогим виски и холодным потом.

— А теперь он знает, что расследование возобновили. И он знает про Никиту. И он понимает, что теперь на его пути стоит не просто пьяный повеса, а ребенок. И я. И он будет действовать. Он уже действует.

— Что вы имеете в виду? — у Таи перехватило дыхание.

— Сегодня утром сломались тормоза у одной из машин охраны. Случайность? Не думаю. Он проверяет мою защиту. Ищет слабые места. — Его голос стал тихим и опасным. — Он где-то рядом. И он ждет.

В эту секунду где-то вдарил гром. Или это хлопнула входная дверь от сквозняка. Но Тая вздрогнула и инстинктивно прижала папку к груди. Она смотрела на искаженное яростью и болью лицо Арсения Викторовича и понимала — кошмар не закончился. Он только начался.

Их хрупкий союз, построенный на взаимной боли и понимании, теперь должен был пройти проверку на прочность перед лицом настоящего, безжалостного врага. И цена проигрыша в этой игре была слишком высока.

Глава 15

Тишина в кабинете после его слов стала звонкой и злобщей. Тая смотрела на фотографию улыбающегося Марка, и ей становилось физически плохо. Эта улыбка теперь казалась маской злодея из триллера.

— Что мы будем делать? — прошептала она, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Мы? — Арсений Викторович резко повернулся к ней. В его глазах снова вспыхнул тот самый стальной огонь, что был в день их первой встречи. Но теперь он горел не против нее, а за них. — Я буду делать то, что умею. А вы... вы будете делать то, что умеете вы.

Он схватил со стола ключи от сейфа и, щелкнув замком, извлек оттуда небольшую, изящную коробку.

— Вот.

Она открыла ее. Внутри на бархате лежал маленький, но мощный спутниковый телефон и брелок с тревожной кнопкой.

— Телефон всегда при себе. Только один номер — прямой на мой и на Игоря. Кнопка — если что-то пойдет не так. Охрана среагирует мгновенно. Вы не отпускаете Никиту от

себя ни на шаг. Ни на секунду. Вы поняли?

Она кивнула, сжимая в руках холодный металл. Он чувствовался как оружие.

— А что... что ты будешь делать? — впервые она обратилась к нему на «ты», сама того не осознавая, захваченная вихрем общего страха и решимости.

Он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Я сыграю в его игру. Но по своим правилам. Он думает, что я буду прятаться и защищаться. Нет. Я пойду в наступление.

На следующий день началась осада. Невидимая, но ощутимая. Арсений Викторович исчез из дома. Игорь сообщил, что хозяин уехал по срочным делам. Но Тая чувствовала — он начал свою охоту.

Напряжение росло. Охранники стали еще бдительнее. Их взгляды постоянно скользили по периметру, руки всегда были рядом с наушником. Даже воздух в доме стал густым и тягучим от ожидания беды.

Через два дня случилось первое происшествие. Поздним вечером, когда Тая читала Никите в гостиной, во тьме за окном вдруг погасла одна из мощных охранных прожекторов. Затем вторая. Территория погрузилась в кромешную тьму.

Сердце Таи заколотилось. Она инстинктивно схватила Никиту и прижала его к себе, замирая на диване. Из холла

послышались приглушенные голоса охраны, быстрые шаги, щелчки предохранителей.

— Мама, темно, — испуганно прошептал Никита.

— Ничего, ничего страшного, — бормотала она, сама дрожа как осиновый лист, ища в кармане пальто брелок с кнопкой.

Прошло пять мучительных минут. Свет за окном снова вспыхнул, залив территорию ярким белым светом. Игорь вошел в гостиную, его лицо было непроницаемо, но в глазах читалось напряжение.

— Не беспокойтесь. Сработала система защиты от перегрузки. Все в порядке.

Но она поняла — это была не перегрузка. Это была проверка. Послание. «Я здесь. Я могу все, что захочу».

Ночью она не сомкнула глаз. Каждый скрип пола, каждый шорох за окном заставлял ее вскакивать с постели и подбегать к кровати Никиты. Страх, который она давно загнала вглубь, вырвался на свободу и парализовал ее.

Под утро ее телефон завибрировал. Незнакомый номер. Сообщение.

«Красивый мальчик. Похож на отца. Жаль, если с ним случится то же самое. Скажи дяде, чтобы был умнее. Некоторые дела лучше оставить в прошлом».

К горлу подкатил комок тошноты. Они следили за ними. Они видели Никиту. Они были где-то совсем рядом.

Она, не раздумывая, с дрожащими руками набрала единственный номер из памяти.

Он ответил практически мгновенно. На том конце было слышно, как свистит ветер и мчится автомобиль.

— Тая? Что случилось?

Она, срывающимся от слез голосом, прошептала про сообщение.

Он выслушал. В трубке повисла тяжелая, злая тишина.

— Хорошо, — наконец произнес он, и его голос был низким и страшным. — Очень хорошо. Он сам себя подписал. Сиди дома. Не выходи. Жди.

Он положил трубку. А она сидела на кровати, сжимая в руках телефон, и понимала, что где-то там, в ночи, на большой скорости мчится машина, а в ней — человек, которого она когда-то боялась больше всего на свете. И теперь только он один мог их спасти.

Осада продолжалась. Но теперь охотник сам стал добычей. И Арсений Викторович Крутов никогда не проигрывал

С тех пор прошло три дня. Три дня нервного ожидания. Арсений Викторович не звонил. Игорь на вопросы Таи отвечал уклончиво: «Господин решает вопросы. Все под контро-

лем». Но по его напряженному лицу и участвовавшим тихим переговорам с охраной по рации было видно — контроль висит на волоске.

Сообщения с угрозами приходили еще дважды. Короткие, обезличенные, как шипение змеи из темноты: «*Время истекает*», «*Не заставляй меня приходить за ним*». Тая перестала спать. Она сидела в кресле в детской, уставившись в темное окно, сжимая в руке тревожную кнопку, готовая вскочить от любого шороха. Никита чувствовал ее панику, стал плаксивым, просился постоянно на руки.

На четвертый день с утра пошел мелкий, противный дождь. Он застилал окна серой пеленой, превращая мир за стеклом в размытое, враждебное пятно. Охранники у ворот кутались в плащи, их силуэты казались призрачными и ненадежными.

После обеда Никита, не в силах сидеть в четырех стенах, устроил истерику.

— На улицу! Хочу гулять! Хочу! — он плакал, топая ногами.

Тая, сама на грани срыва, пыталась его успокоить, но сама понимала — запереть ребенка в каменном мешке бесконечно нельзя. Ему нужен воздух. Нужно хоть немного нормальности.

— Хорошо, — сдалась она, чувствуя себя предательницей. — Только на десять минут. И только у самого дома.

Она одела его, надела на себя куртку, сунула в карман телефон и кнопку. Сердце бешено колотилось. Выход за пределы дома казался самоубийством.

Глава 16

Они вышли под козырек парадного входа. Дождь барабанил по крыше. Охранник, их неизменный тень, встал в нескольких метрах, зорко осматривая территорию. Никита, сразу повеселев, принялся прыгать по лужам под присмотром, издавая счастливые вопли.

Тая прислонилась к холодной стене, стараясь дышать глубже. Свежий, влажный воздух немного прояснил голову. Может, они преувеличивали опасность? Может, Марк просто запугивал их?

В этот момент из-за угла дома показалась фигура почтальона — незнакомого мужчины в стандартной синей куртке с капюшоном, надвинутым на лицо из-за дождя. Он шел, опустив голову, неся в руках небольшую коробку.

Охранник мгновенно насторожился, его рука потянулась к рации.

— Стой! Не подходить!

Почтальон поднял голову. Из-под капюшона мелькнула улыбка. Слишком белая, слишком уверенная. И слишком знакомое лицо — Тая видела его на фотографии в папке. Марк.

Он резким движением швырнул коробку прямо к ногам Никиты.

Тая среагировала на долю секунды быстрее охранника. Крик застрял у нее в горле. Она не думала, не размышляла. Сработал материнский инстинкт, чистый и животный. Она рванулась вперед, оттолкнула сына в сторону, на мокрую траву, и сама накрыла его своим телом, вжимаясь в землю.

Раздался негромкий хлопок. Не взрыв, а резкий, отрывистый звук, и из коробки вырвалось облако едкого розового газа, которое тут же стало разъедать все вокруг — камень плитки зашипел, покрываясь пузырями.

Охранник выхватил оружие, но Марк, не теряя улыбки, резко рванулся назад, к забору, где его уже ждала с ревом мчащаяся машина с открытой дверью.

Выстрелы прозвучали поздно. Машина с визгом шин рванула с места и исчезла за поворотом, прежде чем кто-либо успел что-либо предпринять.

Тая лежала на мокрой земле, прижимая к себе плачущего Никиту. Ее тело тряслось от адреналина. Она чувствовала едкий запах химии, шипение на плитке и дикий, всепоглощающий ужас. Он пришел. Он был здесь. И он чуть не забрал ее сына.

Подбежавшие охранники помогли им подняться. Никита был в порядке, только перепуган и выпачкан в грязи. На Таю было страшно смотреть — ее лицо было белым как мел, глаза огромными, полными немого ужаса.

В этот момент на территорию на бешеной скорости влетел

черный внедорожник. Из него, не дожидаясь, пока машина остановится, выпрыгнул Арсений Викторович. Он был в помятой рубашке, без пальто, его волосы были всклокочены ветром. Он видел убегаящую машину, видел розовое облако, видел их — грязных, перепуганных, но живых.

Он подбежал к ним, и его лицо было искажено такой первобытной яростью и таким страхом, что даже охранники отступили на шаг. Он схватил Таю за плечи, грубо, почти больно, встряхнул, проверяя, цела ли она, затем прижал к себе Никиту, который заревел еще громче.

— Я... я нажала кнопку... — прошептала Тая, не в силах вымолвить больше.

— Я знаю, — его голос был хриплым, сломанным. — Я был уже рядом. Я почти... — он не договорил, лишь сильнее сжал ее плечо, и она почувствовала, как дрожат его руки. Дрожат от бессильной ярости и запоздалого страха.

Он отвел их в дом, не отпуская, и усадил на диван в гостиной, закутал в плед, хотя они не были мокрыми. Он сам налил ей коньяку и заставил выпить залпом, не слушая возражений. Он метался по комнате, как раненый зверь, отдавая резкие, отрывистые приказы Игорю и охране.

— Усилить периметр! Никого не впускать и не выпускать! Поднять все архивы! Найти его! Я хочу его голову! Я хочу его здесь к вечеру!

Потом он остановился перед ней, дыша тяжело.

— Ты спасла его, — произнес он неожиданно тихо. — Ты накрыла его собой.

Она просто молча кивнула, все еще не в силах прийти в себя.

Он медленно опустился перед ней на колени, прямо на ковер, не обращая внимания на дорогой костюм. Он взял ее холодные руки в свои и посмотрел ей прямо в глаза. В его взгляде не было ни прежней надменности, ни снисхождения. Была только суровая, бездонная серьезность.

— Все. Игра окончена. Он перешел черту. Теперь это война. И мы будем воевать вместе. Потому что я не могу... — его голос дрогнул, — я не могу потерять вас. Никого из вас.

Он поднялся и ушел, оставив ее сидеть с треплющимся в руках пустым бокалом и с новым, оглушающим осознанием: осадой стало не только их существование. Осадой стало его сердце.

Три дня. Семьдесят два часа, наполненных не звонками и угрозами, а звенящей, давящей тишиной. Арсений Викторович снова заперся в кабинете, но теперь оттуда не доносилось ни звука. Казалось, он превратился в статую, высеченную из льда и ярости. Игорь и охрана перемещались по дому как тени, их лица были напряжены до предела.

Тая не отходила от Никиты ни на шаг. Она спала с ним в одной комнате, ела, только когда ел он, и постоянно, до боли в пальцах, сжимала в кармане тревожную кнопку. Тот розовый газ, шипящий на камне, стоял у нее перед глазами.

Это была не просто угроза. Это была демонстрация силы и полного презрения к их жизни.

На четвертое утро Игорь, нарушив молчание, вошел в гостиную, где они с Никитой строили замок из кубиков.

— Господин просит вас в кабинете, — его голос звучал необычно официально, почти траурно.

Сердце Таи упало. Что-то случилось. Что-то плохое.

Глава 17

Она оставила Никиту с няней под бдительным взглядом охранника и пошла по длинному коридору. Дверь в кабинет была приоткрыта. Она вошла.

Арсений Викторович стоял у окна, спиной к ней. Он был одет в идеально сидящий темный костюм, но на нем он висел, как на вешалке. Он казался вышедшим в свет призраком самого себя.

— Садитесь, — сказал он, не оборачиваясь. Его голос был глухим, лишенным всяких эмоций.

Она послушно опустилась в кресло.

— Все кончено, — произнес он, и слова прозвучали как приговор. — Марк задержан. Он дал признательные показания. Все. Убийство Глеба. Попытка сегодняшняя. Все.

Он медленно повернулся. Его лицо было страшным — серым, осунувшимся, с темными кругами под глазами. Но самое ужасное были его глаза. В них не было ни торжества, ни облегчения. Только пустота. Бездонная, ледяная пустота.

— Он... он все рассказал? — тихо спросила Тая.

— Нет, — он горько усмехнулся, и это было похоже на предсмертный хрип. — Он не «рассказал». Он... хвастался. Считал себя умнее всех. Думал, что его связи, его деньги его вытянут. Он... — Крутов сжал кулаки, и Тая увидела, как на его безупречно отутюженных манжетах проступили капли

крови — он вонзил ногти в ладони. — Он смеялся. Говорил, что Глеб был слабаком. Что он сам напросился. Что это была всего лишь «небольшая помощь»... чтобы он упал.

Он замолчал, переводя дух. Воздух в кабинете стал густым и горьким, как пепел.

— А сегодня... сегодняшнее. Это была просто «шутка». Чтобы напугать меня. Чтобы я одумался и прекратил расследование.

Тая смотрела на него, и ей стало физически больно. Он добился своего. Нашел убийцу сына. Отомстил. Но эта победа отняла у него последние силы. Она не принесла ему мира. Она принесла лишь окончательное, бесповоротное подтверждение самого страшного — его сына убили как щенка, походя, из-за денег и зависти. И над этим смеялись.

— Я... не знаю, что сказать, — прошептала она. — Мне жаль.

— Мне не нужно ваше сожаление! — вдруг взорвался он, и из его глаз брызнули самые настоящие, яростные слезы. Он смахнул их тыльной стороной ладони с таким ожесточением, словно хотел стереть с лица саму слабость. — Мне нужно было... я должен был... — его голос снова сорвался. Он опустил в кресло за столом и закрыл лицо руками. Его плечи затряслись.

Тая никогда не видела его таким. Сломленным. Уничтоженным. Она встала и, не раздумывая, обошла стол. Она не

знала, что делать. Не знала, как утешать. Она просто положила руку ему на плечо. Он вздрогнул от прикосновения, но не оттолкнул ее.

Он говорил, его голос был приглушен ладонями, полон стыда и боли:

— Я всю жизнь строил империю. Думал, что сила в деньгах, во власти. А оказалось... оказалось, что это ничего не стоит. Это не спасло мою жену. Не спасло моего сына. Единственное, что у меня есть настоящего... это вы. Вы, которую я чуть не вышвырнул из своего дома. И он... который даже не знает, кто я такой.

Он поднял на нее заплаканное, искаженное страданием лицо.

— Я проиграл, Тая. Я проиграл еще тогда, когда решил, что могу все купить. В том числе и любовь. И безопасность.

Она смотрела на этого могущественного, всесильного человека, который вдруг признался в своем полном поражении, и сердце ее сжалось от острой, пронзительной жалости. Не жалости сверху вниз, а жалости-понимания. Они были одинаково сломлены этой историей. Just in different ways.

— Вы не проиграли, — тихо сказала она, не убирая руки с его плеча. — Вы спасли нас сегодня. Вы нашли его. Вы сделали так, что он больше никогда никому не навредит. И... — она сделала глубокий вдох, — и у вас есть мы. Мы никуда

не денемся.

Он смотрел на нее, и в его опустошенных глазах медленно, с трудом, стал появляться слабый огонек. Не ярости. Не расчета. А чего-то другого. Хрупкого и нового.

Он медленно поднял руку и накрыл ее ладонью. Его пальцы были холодными, но крепкими.

— Оставайтесь, — прошептал он. — Пожалуйста. Оставайтесь всегда.

Это была не просьба миллионера. Это была мольба одинокого, израненного человека. И впервые Тая ответила ему не из страха или расчета, а потому что поняла — они нужны друг другу. Не как сторожа и пленники, а как единственные родные люди, способные залатать дыры в душах друг друга.

Прошло несколько недель. Раны, нанесенные Марком, потихоньку затягивались. Не физические — а те, что были внутри. Страх постепенно отступал, уступая место осторожной, но настоящей жизни. Арсений Викторович снова стал появляться за общим столом, и хотя его улыбки были редки, ледяная стена вокруг него окончательно рухнула.

Однажды за завтраком он отложил газету и, глядя на Таю, а не в стол, произнес:

— Сегодня днем ко мне приедет деловой партнер, Леонид Борисович. Мы обсудим новые контракты. Я бы хотел, чтобы вы... присоединились к нам за чаем.

Тая от неожиданности поперхнулась чаем. Это было не просто предложение. Это был жест. Жест доверия. Признание ее не как приживалки или няньки, а как... части семьи? Его взгляд был спокоен, но в глубине читалось легкое напряжение — он ждал ее ответа, давал ей выбор.

— Я... я не разбираюсь в ваших контрактах, — растерянно пробормотала она.

— От вас и не требуется разбираться, — он махнул рукой.
— Просто побудете там. Леонид — старый друг. Он... должен вас видеть.

Глава 18

Должен вас видеть. Эти слова значили больше, чем все остальные. Он представлял ее своему миру. Официально.

— Хорошо, — кивнула Тая, чувствуя, как у нее слегка дрожат руки. — Я буду.

Ровно в четыре в холле раздался звонок. Из-за поворота аллеи медленно подкатил представительский серебристый Rolls-Royce. Тая, стоя у окна на втором этаже, наблюдала, как из машины выходит высокий, дорого одетый мужчина с прямым взглядом и уверенной осанкой. Арсений Викторович вышел встречать его сам — жест высочайшего уважения.

Они прошли в кабинет, и на час в доме снова воцарилась деловая атмосфера — приглушенные голоса, звон бокалов с водой.

Ровно через час Игорь доложил, что чай подан в зимний сад.

Тая, надев самое скромное, но качественное платье из того, что для нее закупили, сделала глубокий вдох и вошла.

Зимний сад был залит мягким вечерним солнцем. За низким столиком из темного дерева сидели двое мужчин. Арсений Викторович, увидев ее, поднялся — еще один жест, заставивший ее сердце екнуть.

— Леонид, разреши представить. Таисия Орлова. Тая, это мой старый друг и партнер, Леонид Борисович.

Леонид Борисович поднялся, его пронзительный, оценивающий взгляд скользнул по ней с ног до головы. Взгляд человека, привыкшего в секунду определять стоимость и происхождение всего вокруг.

— Очень приятно, — произнес он, пожимая ей руку. Его рукопожатие было крепким, но не продолжительным. — Арсений много о вас рассказывал.

Тая с трудом представила, *что именно* он рассказывает о ней Крутов. Она лишь смущенно улыбнулась и села в указанное кресло.

Первые минуты были мучительными. Мужчины обсуждали дела, цифры, имена, которые ей ни о чем не говорили. Она молчала, чувствуя себя мебелью. Леонид Борисович периодически бросал на нее любопытные взгляды, явно пытаясь понять, какую роль она играет в жизни его непредсказуемого партнера.

Разговор постепенно перетек на общие темы. И тут Леонид, улыбаясь, обратился к ней:

— Так вы, Таисия, оказывается, тоже из нашего института? Химический факультет? Какой мир тесен! Мы с Арсением, можно сказать, ваши старшие товарищи.

Его тон был светским, но в глазах читался неподдельный интерес. И... что-то еще. Что-то знакомое и неприятное.

— Да, — кивнула Тая. — Я закончила заочно.

— Ах, да, да, конечно, — он сделал глоток чая, и его взгляд стал чуть более прищуренным, изучающим. — Я теперь припоминаю... Вы же та самая девушка? Та, с которой у Глеба был тот самый... мимолетный роман?

Воздух на мгновение застыл. Арсений Викторович напругся, но ничего не сказал.

Тая почувствовала, как по спине бегут мурашки. Он знал. Конечно, знал. В их кругу не было секретов.

— Да, — снова коротко кивнула она, опуская глаза.

Леонид Борисович мягко, почти отечески усмехнулся.

— Да, молодежь, что с них взять... Глеб был таким повесой. Легкомысленным. Но ярким мальчиком. Очень жаль, что так все вышло... — он покачал головой, изображая печаль, но его глаза оставались холодными и аналитическими. — А ваш сын... Никита, кажется? Он здесь? Было бы любопытно с ним познакомиться. Говорят, он — вылитый отец.

В его словах не было ничего плохого. Вежливость, светское любопытство. Но каждое слово било точно в цель, напоминая ей о ее месте. О том, что она — мать «незаконно-рожденного» ребенка, плод «мимолетного романа» повесы. Он смотрел на нее не как на человека, а как на интересный казус, на странную причуду Арсения Викторовича.

Тая сжала пальцы под столом. Она чувствовала себя выставленной на показ. Униженной. Снова той самой Таей из

общезнания, которую обсуждают за глаза.

И вдруг раздался спокойный, ровный голос Арсения Викторовича.

— Никита отдыхает, Леонид. И я не хочу его беспокоить. — Он сделал паузу и положил свою ладонь поверх сжатых пальцев Таи. Жест был настолько естественным и уверенным, что она вздрогнула от неожиданности. Его рука была теплой и тяжелой. Защищающей. — А что касается прошлого... — он продолжил, и его голос приобрел стальные нотки, — то это осталось в прошлом. Таисия — мать моего внука и наследника. И она — часть моей семьи. Единственной семьи, что у меня осталась. И это единственное, что имеет значение.

Он говорил негромко, но каждое слово падало на стол, как увесистый слиток. Леонид Борисович замер с бокалом в руке, его светская маска на мгновение сползла, обнажив чистое изумление. Он понял. Понял все.

Он быстро оправился, заулыбался.

— Ну конечно, конечно, Арсений! Я и не думал... Просто вспомнил старые времена. — Он поспешно отхлебнул чаю, явно стараясь сменить тему. — Так о каком мы контракте говорили...

Но атмосфера уже изменилась. Необратимо. Арсений Викторович не убрал руку. Он продолжал спокойно обсуж-

дать дела, но его жест — простой, молчаливый, ясный — сказал больше тысячи слов.

Когда Леонид Борисович уехал, в зимнем саду повисла тишина. Тая сидела, не двигаясь, все еще чувствуя на своей руке тепло его ладони.

— Простите за Леонида, — наконец произнес Арсений Викторович, убирая руку. — Он хороший специалист, но любит покопаться в чужих делах. Больше он не позволит себе подобного тона.

Она подняла на него глаза. В ее собственных стояли слезы — не от обиды, а от чего-то другого. От неожиданности. От благодарности. От щемящего чувства, которое она боялась назвать своим именем.

— Зачем вы это сделали? — прошептала она.

Он посмотрел на нее, и в его глазах не было ни смущения, ни сожаления. Только та самая новая, непонятная ей серьезность.

— Потому что это правда. Вы — часть этой семьи. — Он встал. — И пора всем об этом знать.

Он ушел, оставив ее одну в залитом солнцем зимнем саду, с новым, оглушительным пониманием: границы их мира снова сдвинулись.

Глава 19

Прошло несколько дней после визита Леонида Борисовича. В доме царило странное, зыбкое спокойствие. Слова Арсения Викторовича о «семье» витали в воздухе, меняя его состав, делая его более теплым, но и более тревожным. Тая ловила себя на том, что ищет его взгляд за завтраком, и краснела, когда их глаза встречались.

Легкая стычка, как это часто бывает, возникла на пустом месте. Вернее, из-за пустяка, который для каждого из них оказался принципиальным.

Никита, вдохновленный мультфильмом про динозавров, потребовал на ужин не привычную парную телятину или рыбу на пару, а «динозавриков в пыли» — котлетки в панировке в форме динозавров, которые он увидел в рекламе.

Тая, решив побаловать сына, сама приготовила их из куриной грудки, обваляла в сухарях и запекла в духовке. Она поставила тарелку с забавными «динозавриками» перед сидящим Никитой как раз в тот момент, когда в столовую вошел Арсений Викторович.

Он остановился у своего места и уставился на тарелку внука с таким выражением лица, будто там лежали не котлеты, а те самые розовые черви.

— Что это? — его голос прозвучал как ледяная струя.

— Это... куриные котлетки, — немного смущенно ответила Тая. — Никита очень хотел.

— Я вижу, *что* это. Я спрашиваю, зачем это *здесь*? — он сделал ударение на последнем слове. — В этом доме не едят... фастфуд.

— Это не фастфуд! — возразила Тая, чувствуя, как нарастает раздражение. — Я сама их приготовила. Из лучшего мяса. Без всякой химии.

— Панировка? Обжарка? — он произнес эти слова с таким презрением, словно это были синонимы яда. — Это вредно. Несбалансированно. У него должно быть правильное питание, а не... эти игрушки.

Никита, видя, что его праздник под угрозой, надул губки и посмотрел на деда с упреком.

— Это динозаврики! Они вкусные!

— Они не полезные, — холодно парировал Крутов. — Игорь, принесите Никите его обычный ужин.

— Нет! — вдруг резко сказала Тая. Она встала, защищая тарелку с сыном словно львица. — Он будет есть то, что я ему приготовила. Это всего один раз. Он ребенок, а не ваш подопытный кролик для идеальной диеты!

Они стояли друг напротив друга через весь стол — она, пылая от несправедливости, он — холодный и непреклонный.

— Я не позволю, чтобы его приучали к дурным вкусовым привычкам, — его голос стал тише, но опаснее. — Вы не понимаете, что такое ответственность.

— Ответственность? — вспыхнула она. — Ответственность — это еще и позволить ему быть ребенком! Съесть иногда котлетку в виде динозавра и почувствовать себя счастливым! Или вы хотите, чтобы он, как и его отец, потом сбегал из этого стерильного рая за гамбургерами и дешевой радостью?!

Она снова ударила в больное. В самое сердце его страхов. Его лицо побелело.

— Не смейте сравнивать! — прошипел он. — И не смейте указывать мне, как растить моего внука! Пока вы в этом доме, вы соблюдаете мои правила!

В этот момент Никита, не выдержав напряжения, громко расплакался.

Тая, не говоря больше ни слова, развернулась, взяла его на руки вместе с тарелкой «динозавриков» и вышла из столовой. Она поднялась к себе в комнату, захлопнула дверь и села на кровать, обнимая рыдающего сына. Ее саму трясло от ярости и обиды.

Он так и не понял. Ничего не понял. Все его «вы часть семьи» оказались пустыми словами, разбившимися о котлету в форме динозавра.

Через час в ее дверь постучали. Вошел Игорь.

— Господин Крутов уезжает в командировку. На неделю. Он просил передать, что... — управляющий слегка замялся, — что он надеется, вы найдете взаимопонимание с поваром по поводу меню Никиты.

Это было не извинение. Это был приказ, завуалированный под поручение. Типично для него.

— Передайте господину Крутову, — сказала Тая, не глядя на Игоря, — что я прекрасно понимаю, что такое ответственность. И всегда действую в интересах ребенка.

Игорь молча кивнул и удалился.

Вскоре со стороны подъездной дорожки донесся звук заходящегося двигателя. Тая подошла к окну. Внедорожник Арсения Викторовича медленно скрылся за воротами.

В доме вдруг стало очень тихо и пусто. Несмотря на всю свою роскошь и многочисленную прислугу, он казался огромным и безжизненным.

Тая вздохнула и посмотрела на Никиту, который, устав от слез, засыпал у нее на руках, все еще сжимая в кулачке одного обезглавленного «динозаврика».

Она его отвоевала. Но победа была горькой и одинокой. И неделя внезапно показалась очень долгим сроком.

Неделя без Арсения Викторовича тянулась мучительно долго. Первые два дня Тая наслаждалась иллюзией свободы: они с Никитой ели что хотели, гуляли, где хотели (в пределах забора, но без зоркого глаза деда), ложились спать не по

расписанию, а когда уставали. Она даже разрешила сыну запустить кораблики в ванной, что вызвало настоящий восторг и небольшое наводнение.

Но к третьему дню эта свобода начала отдавать тоской. Дом, лишенный его властной, наполняющей все пространство энергии, стал походить на красивую, но бездушную декорацию. Даже споры с ним были какой-то формой жаркого, не всегда приятного, но живого общения. Теперь же ее единственным собеседником был Игорь с его бесстрастным «да, мисс Таисия» и «как прикажете».

Она ловила себя на том, что смотрит на телефон в ожидании звонка. Пусть даже гневного, по поводу меню или расписания. Но звонков не было. Только раз в сутки приходило лаконичное SMS от Игоря: «С господином все в порядке. Дела идут по плану».

На пятый день Никита, листая книжку, вдруг спросил:

— Мама, а дедуля когда вернется? Он же не забыл, что обещал мне новую книгу про паровозы?

Тая, сама того не ожидая, ответила:

— Скоро. Соскучился?

— Немного, — признался мальчик, уткнувшись носом в страницы. — Он громко читает. И брови шевелит, когда злится. Смешно.

Она смотрела на сына и понимала, что он не один такой.

Она тоже соскучилась. По его шевелящимся бровям. По его спорам. По тому самому чувству, что они, несмотря ни на что, — одно целое против всего мира.

Глава 20

Вечером шестого дня она не выдержала и, уложив Никиту, спустилась в кабинет. Она не собиралась звонить. Просто посидеть в его кресле. Понять, что он чувствует, глядя на этот портрет сурового предка.

Она включила настольную лампу. Свет упал на идеально чистый стол. И на один-единственный предмет, лежащий прямо по центру. Тот самый, обезглавленный куриный «динозаврик», засохший и сморщившийся. Рядом с ним лежала записка, наспех набросанная его твердым, размашистым почерком:

«Для музея естественной истории Никиты. Чтобы помнил о великой битве. Возвращаюсь завтра к ужину. А.К.»

Тая взяла в руки засохшую котлету и рассмеялась. Смеялась до слез. Это было так нелепо, так трогательно и так по-нему — не извиняться, а совершить жест. Жест признания ее правоты. Или просто... жест, чтобы напомнить о себе.

Она не сомневалась, что он позвонил Игорю и велел положить это на стол именно сегодня, зная, что она зайдет.

На следующий день она с утра была на ногах. Сама проверила, чтобы в доме все блестело. Приказала повару приготовить на ужин то самое парное мясо, которое он любил. Надела то самое простое, но дорогое платье, о котором он однажды сказал ей, что она выглядит «адекватно».

В шесть вечера она услышала рев мотора под окнами. Сердце забилося чаще. Она вышла в холл, стараясь дышать ровно.

Дверь открылась. В проеме появился он. Усталый, немного помятый с дороги, но все тот же — собранный, властный, с привычной холодной маской на лице. Его взгляд мгновенно нашел ее.

Он молча снял пальто, передал его Игорю и прошел в столовую. Они сели за стол. Все было тихо и чинно. Он расспросил о делах, Игорь доложил об отсутствии происшествий.

Подали ужин. Он ел молча. Тая тоже. Напряжение витало в воздухе.

И вдруг он отложил вилку и посмотрел на нее.

— Ну что? — спросил он. — Нашли «взаимопонимание» с поваром?

В его глазах читалась не насмешка, а что-то другое. Любопытство? Надежда?

Она выдержала его взгляд.

— Нашли. Мы пришли к выводу, что иногда динозавры — это необходимость. Для поддержания морального духа войска.

Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

— Ясно. — Он помолчал, затем добавил тише, почти для

себя: — Я тоже соскучился. По вашим... образовательным мероприятиям.

Он не смотрел на нее, уставившись в тарелку, но его уши заметно покраснели. Это было самое прямое признание, на которое он был способен.

Тая почувствовала, как по ее телу разливается теплое, щемящее чувство. Она улыбнулась.

— Добро пожаловать домой, Арсений Викторович.

Он кивнул, снова взялся за вилку, и они продолжили ужин в молчании. Но теперь это молчание было не холодным и тягостным, а теплым и наполненным. Полным невысказанных слов и обещаний, которые уже не требовалось произносить вслух.

Идея возникла внезапно, как вспышка. За завтраком, наблюдая, как Никита ковыряет ложкой в тарелке с овсянкой и мечтательно смотрит в окно, Арсений Викторович отложил газету.

— Собирайте вещи, — сказал он, обращаясь к Тае. Его тон был обычным, деловым, но в глазах плескалась какая-то странная, почти мальчишеская искорка. — Завтра утром вылетаем.

Тая с недоумением посмотрела на него.

— Вылетаем? Куда?

— Туда, где нет дождей, овсянки и моих отчетов, — он

отпил кофе, скрывая улыбку. — На море. Никита должен увидеть океан. Не на картинке.

От неожиданности Тая выронила салфетку. Море? Это было так внезапно, так не вязалось с его привычным, расплывчатым по минутам существованием.

— Но... дела? Игорь говорил, у вас на этой неделе...

— Игорь и сам прекрасно справится, — перебил он. — Или я зря плачу ему такую зарплату? — Он посмотрел на Никиту, чьи глаза стали размером с блюдца. — Ну что, мальчик, хочешь посмотреть на настоящих акул?

— У-у-у! — было все, что смог выдать из себя потрясенный ребенок.

Сборы были похожи на спецоперацию. Игорь и горничные метались по дому, упаковывая целый арсенал детских вещей, солнцезащитных кремов, панамок и игрушек по указаниям Таи. Арсений Викторович лишь изредка давал лаконичные указания: «Только не этот чемодан, возьмите более вместительный», «Должна быть аптечка с полным набором».

На следующее утро их ждал не просто автомобиль, а целый кортеж до аэропорта. И частный самолет. Не просто частный, а тот, что красовался на обложках Forbes. Никита, заходя внутрь, издал восхищенный вздох: «Bay! Как у космонавтов!».

Арсений Викторович, в легком светлом костюме, без привычного галстука, казался другим человеком — более расслабленным, моложавым. Он провел для Никиты экскурсию

по салону, разрешил посидеть в кресле пилота , и даже улыбнулся, когда Никита спросил: «Дедуля, а ты весь самолет купил?».

Они приземлились в стране, где пахло теплым ветром, солью и свободов. Их ждали еще одни машины, которые довели их до закрытого, частного клубного комплекса, утопающего в зелени и спускающегося к собственному пляжу с белоснежным песком.

Их вилла была похожа на дворец из сказки: светлая, воздушная, с панорамными окнами, из которых был виден бескрайний бирюзовый океан.

Первые два дня Тая ходила как вкопанная. Она не могла верить в эту внезапную перемену декораций. Она поначалу чувствовала себя неловко среди всей этой безупречной красоты. Но вид Никиты, который с первого же дня превратился в счастливого, загорелого дикаря, копавшегося в песке и с визгом бежавшего к теплым волнам, заставлял ее расслабиться.

И самое удивительное происходило с Арсением Викторовичем. Он...

Глава 21

И самое удивительное происходило с Арсением Викторовичем. Он... отпустил вожжи. Он не доставал телефон каждые пять минут. Не требовал идеального порядка. Он мог часами сидеть в шезлонге под зонтом, наблюдая, как Тая и Никита строят песчаные замки или ищут ракушки. Или просто спать, под шум прибоя, с газетой на коленях.

Однажды он сам, к изумлению Таи, снял сандалии, закатал брюки и вошел в воду, чтобы поддержать Никиту, который учился плавать с кругом. Он стоял по колено в воде, крепко держа внука, и на его лице было не привычное напряжение, а спокойная, умиротворенная сосредоточенность.

Вечерами они ужинали на веранде, заставленной свежими фруктами и морепродуктами. Он стал больше говорить. Не о бизнесе. О книгах, которые читал в юности. О том, как сам впервые увидел море — уже взрослым, добившимся всего сам. Он даже, к своему собственному удивлению, рассмеялся над какой-то глупой шуткой Таи — громко, искренне, от души.

Однажды ночью Тая не могла уснуть. Она вышла на террасу под звезды. Воздух был теплым и бархатным, шум океана — убаюкивающим. И тут она увидела его. Он стоял у перил, спиной к дому, смотря на лунную дорожку на воде. Он был один, и в его позе читалась какая-то непривычная

уязвимость.

Она хотела было тихо уйти, но он, не оборачиваясь, сказал:

— Не уходите.

Она остановилась.

— Не спится?

— Я забыл, как это, — тихо произнес он. — Просто стоять и слушать. Ни о чем не думая. — Он обернулся к ней. Его лицо в лунном свете казалось моложе и мягче. — Спасибо.

— За что? — удивилась она.

— За то, что заставили меня вспомнить, что я живой человек, а не машина для зарабатывания денег. — Он сделал паузу, глядя на нее. Его взгляд был серьезным и теплым. — И за него. За то, что подарили мне его.

Он не ждал ответа. Он просто развернулся и ушел в дом, оставив ее одну под южными звездами, с бешено колотящимся сердцем и с новым, пугающим и прекрасным пониманием.

На следующее утро море было особенно ласковым, а солнце — нежным. Никита, заряженный энергией с самого рассвета, уже успел позавтракать и теперь нетерпеливо прыгал на песчаной отмели, разбрызгивая воду, как щенок.

— Деда! Деда Арсений! — его звонкий голосок перекрыл шум прибоя. — Иди купаться! Ну пожалуйста!

Арсений Викторович в это время с кофе в руке просматривал на планшете какие-то графики, но призывный крик заставил его поднять голову. На его лице не было привычной досады от того, что его оторвали от дел. Напротив, в уголках глаз обозначились легкие морщинки — намек на улыбку.

— Сейчас, командир, — отозвался он, и в его голосе прозвучала непривычная, мягкая нота. Он отложил планшет на столик, снял хлопковую тунику и остался в темных плавательных шортах.

Тая, наблюдавшая за этой сценой, затаив дыхание, ожидала, что он просто постоит с мальчиком у воды, как в прошлый раз. Но Арсений Викторович, к ее изумлению, уверенно вошел в волны и, опустившись на колени, оказался с Никитой на одном уровне.

— Слушай меня внимательно, — сказал он, и его голос принял деловой, но вовсе не строгий тон, который он использовал на совещаниях. Только сейчас он был нацелен на самое важное дело — обучение внука. — Держимся за круг. Я буду рядом. Ты должен почувствовать, как вода тебя держит. Она твой друг, а не враг.

Он не просто стоял рядом. Он терпеливо поддерживал Никиту за животик, пока тот старательно, с высунутым от усердия языком, барахтался в круге. Потом Арсений осторожно убрал руку на секунду, давая мальчику прочувствовать плавучесть.

— Вот видишь! Сам! — ободряюще сказал он, и в его гла-

зах вспыхнула искорка настоящей, неподдельной гордости.

— Смотри, мама, я плыву! — завопил счастливый Никита, пытаясь грести руками и создавая больше брызг, чем реального движения.

— Я вижу, солнышко, я вижу! — крикнула в ответ Тая, и ее сердце сжалось от щемящей, почти болезненной нежности.

Она наблюдала, как этот могущественный, железный человек, перед которым трепетала половина города, с полнейшей самоотдачей и терпением учит ее маленького сына самому простому и самому важному умению — доверять себя стихии. Он был сосредоточен, серьезен и абсолютно счастлив в этот миг.

И в этот момент Тая с абсолютной ясностью поняла, что баррикады между ними рухнули. Окончательно и бесповоротно. Остались только двое взрослых и один маленький человек, которых море, солнце и эта странная, непредсказуемая судьба навсегда связали в одно целое.

Они приехали сюда как неловкий, состоявший из осколков коллектив. А уезжали... уезжали семьей. Настоящей. С общим загаром на коже, песком в карманах и тихим, еще невысказанным счастьем, теплившимся в глазах. И даже строгий костюм, который Арсений Викторович надел в день отъезда, уже не мог скрыть этой перемены. Он смотрел на них — на Таю, помогающую Никиту донести его «сокровища» (ракушки и камни), — и улыбался.

Возвращение в привычный, прохладный климат и строгие стены особняка было похоже на резкое пробуждение от прекрасного сна. Пахло не морем и солью, а полировкой и тишиной. Даже Никита, обычно такой непоседливый, первые пару дней ходил по дому притихший, словно ища ту теплоту и свободу, что остались за тысячи километров.

Но что-то важное изменилось безвозвратно. Арсений Викторович не надел обратно свою ледяную маску. Он по-прежнему уходил в кабинет, но теперь двери не всегда были закрыты наглухо. Иногда он выходил, чтобы спросить, не хочет ли Никита посмотреть новый документальный фильм о паровозах, или чтобы предложить Тае чай — не через Игоря, а лично.

Однажды вечером, через неделю после возвращения, он неожиданно появился в дверях гостиной. Тая читала книгу, Никита собирал пазл на ковре.

— Завтра вечером у нас будет ужин, — объявил он без предисловий. — Здесь. Я пригласил гостей.

Тая отложила книгу, насторожившись. После визита Леонида Борисовича слово «гости» вызывало у нее нервную дрожь.

Глава 22

Тая отложила книгу, насторожившись. После визита Леонида Борисовича слово «гости» вызывало у нее нервную дрожь.

— Деловые партнеры? — осторожно уточнила она.

— Нет, — он покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на смущение. — Моя сестра, Ольга Викторовна, с мужем. И... ваши родители.

Воздух застыл в Таинных легких. Она смотрела на него, не веря своим ушам.

— Мои... родители? — прошептала она. — Но... как? Почему?

Он сделал несколько шагов вглубь комнаты, руки за спиной.

— Я считаю, им давно пора увидеть своего внука. В нормальных условиях. И... познакомиться со мной. Официально.

Это было ошеломляюще. Шокирующе. Ее родители, простые, скромные люди из провинциального городка, в этом дворце? За одним столом с его сестрой, женщиной, о чьем снобизме и высокомерии она слышала краем уха? Это был

не жест. Это была бомба.

— Арсений Викторович... — она встала, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Они... они не привыкли к такому. Они будут чувствовать себя неловко. Ваша сестра...

— Моя сестра будет вести себя прилично, — отрезал он, и в его голосе впервые за долгое время прозвучали стальные нотки. — Как и я. Это мой дом. И мои правила. А правила гласят, что семья моего внука заслуживает уважения. Вне зависимости от... происхождения.

Он посмотрел на нее, и его взгляд смягчился.

— Они ваши родители, Тая. Они вырастили вас. Благодаря им вы такая, какая есть. А я... я благодарен им за это.

Он повернулся и ушел, оставив ее стоять посреди гостиной с вихрем панических мыслей в голове.

На следующий день дом превратился в сумасшедший муравейник. Повара колдовали на кухне, Игорь доводил до блеска серебро и хрусталь, горничные переставляли цветы. Тая, в состоянии, близком к истерике, пыталась выбрать платье, которое не выглядело бы слишком дорогим, чтобы не смущать родителей, и не слишком простым, чтобы не вызвать усмешку у Ольги Викторовны.

Ровно в семь на пороге появились ее мама и папа. Они выглядели смятенными и подавленными роскошью холла. Отец, обычно такой уверенный, жал руку Арсению Викторовичу с таким видом, словно собирался на казнь. Мама, уви-

дев Таю, расплакалась, а затем, увидев выбежавшего Никиту, расплакалась еще сильнее.

Затем прибыла Ольга Викторовна — худая, элегантная женщина с холодными, оценивающими глазами и ее молчаливый, надменный муж.

Ужин начался в ледяной, натянутой атмосфере. Ольга Викторовна бросала на родителей Таи снисходительные взгляды, те молча ковыряли вилками еду, явно не понимая, что с ней делать. Арсений Викторович сидел во главе стола, невозмутимый, как скала, но Тая видела, как напряжена его шея.

И тогда случилось неожиданное. Никита, сидевший между дедом и бабушкой Таи, вдруг громко спросил:

— Бабуля, а правда, что мама в детстве тоже пролила компот на кота?

Неловкая тишина разом повисла над столом. Отец Таи покраснел, мама смущенно закашлялась. Ольга Викторовна подняла бровь с выражением вежливого презрения.

Но Арсений Викторович вдруг улыбнулся. Не холодной, вежливой улыбкой, а самой настоящей.

— И что же? Кот выжил? — спросил он, поворачиваясь к матери Таи.

Та, смущенно улыбнувшись в ответ, начала рассказывать. Забавную, нелепую историю из детства Таи. Отец, разгоря-

чившись, добавил деталей. Тая, краснея, пыталась их остановить, но Арсений Викторович слушал с неподдельным интересом, а Никита хохотал.

Лед тронулся. Ольга Викторовна, видя интерес брата, была вынуждена снизойти до «плебейских» рассказов. Постепенно, медленно, за столом завязался разговор. Неловкий, робкий, но настоящий. Арсений Викторович задавал вопросы ее отцу о его работе (тот был инженером), кивал, вставлял умные комментарии, давая понять, что мнение этого простого человека ему интересно.

Когда подали десерт, атмосфера уже была не просто терпимой, а почти теплой. Ольга Викторовна все еще свысока поглядывала на маму Таи, но уже не решалась проявлять открытое пренебрежение.

В конце вечера, когда гости уже собрались уходить, отец Таи, немного набравшись смелости (возможно, подогретый хорошим коньяком), обратился к Арсению Викторовичу:

— Спасибо за вечер. И... знаете... мы всегда переживали за Тасю. После всей той истории... Но теперь мы видим, что она и внук наш в хороших руках. Спасибо вам.

Арсений Викторович, выслушав это, кивнул с непривычной для него простотой.

— Это я должен благодарить вас. Вы воспитали сильную женщину. Хорошую мать. — Он посмотрел на Таю, и в его

взгляде было что-то такое, от чего у нее перехватило дыхание. — И я сделаю все, чтобы они оба были счастливы.

Когда родители уехали, а Ольга Викторовна удалилась в свой комнату, Тая осталась с ним один на один в опустевшей столовой.

— Ну что? — спросил он, подходя к ней. — Я вас сильно напугал?

— До смерти, — честно призналась она, все еще не веря в произошедшее. — Но вы... вы были великолепны.

— Я просто вел себя прилично, — пожал он плечами, но было видно, что комплимент ему приятен. — Они хорошие люди. Простые. Честные. Таких сейчас мало.

Он помолчал, глядя на нее.

— Я хочу, чтобы Никита знал их. Чтобы он знал свои корни. Все свои корни.

Он протянул руку и осторожно, почти несмело, смахнул прядь волос с ее щеки. Его пальцы едва коснулись кожи, но она почувствовала это прикосновение всем телом.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, — так же тихо ответил он. — Это моя обязанность. И... мое желание.

Он развернулся и ушел, оставив ее одну в сияющей пустоте столовой, с единственной мыслью, стучавшей в висках: он не просто принял ее. Он принял всю ее жизнь. Все ее прошлое. И в этот момент границы между их мирами исчезли

ОКОНЧАТЕЛЬНО.

Глава 23

Идиллия длилась почти месяц. Месяц тихих семейных ужинов, совместных чтений Никите, даже одной поездки в театр — Арсений Викторович выкупил целую ложу, чтобы никто не мешал. Казалось, все шрамы прошлого зарубцевались, и будущее выглядело безоблачным.

Однажды вечером Тая, закончив укладывать Никиту, решила спуститься в кабинет — она оставила там свою книгу. Дверь была приоткрыта, свет внутри горел. Она уже собиралась войти, как услышала его голос. Он говорил по телефону, и его тон был не деловым, а каким-то... странным. Приглушенным, но полным ледяной ярости.

— ...Я сказал, сумма не обсуждается. И сроки тоже. Ты думал, я ничего не узнаю? Что можно безнаказанно копать в моей жизни?

Тая замерла, прижавшись к косяку. Сердце бешено заколотилось.

— Она ничего не знает, — продолжил он после паузы, и его голос стал еще тише, еще опаснее. — И не должна знать. Это мое прошлое. И я разберусь с ним так, как считаю нужным. Твоя задача — обеспечить тишину. Любой ценой. Понял? Да. Жду отчет завтра.

Он бросил трубку. Последовало громкое, яростное ругательство и звук падающего на пол предмета — вероятно, те-

лефона.

Тая, не дыша, отступила в тень коридора. Ее бросало в жар и в холод. О чем он говорил? О каком прошлом? О какой «тишине»? «Любой ценой» — эта фраза звучала зловеще.

На следующее утро за завтраком он был спокоен, как скала. Но Тая ловила на себе его взгляд — внимательный, оценивающий, будто проверяющий, не подслушала ли она чего-то.

Вечером Игорь принес ему в кабинет толстую папку. Час спустя Арсений Викторович вышел оттуда с лицом, похожим на маску. Он молча прошел мимо нее, сидевшей в гостиной, и поднялся на второй этаж. Через несколько минут он спустился, держа в руках небольшую, но тяжелую на вид металлическую шкатулку. Ту самую, что обычно стояла у него в сейфе. Он прошел обратно в кабинет и захлопнул дверь.

Любопытство и тревога грызли Таю изнутри. Что было в той папке? Что в шкатулке? Почему он так себя ведет?

Она не выдержала. Дождавшись, когда в доме все стихнет, она на цыпочках спустилась в кабинет. Она не собиралась ничего искать. Просто... посмотреть.

Его стол был чист. Но одна из ящиков была приоткрыта. Внутри лежала та самая папка. Рука сама потянулась к ней.

Внутри были фотографии. Старые, потрепанные. На них был молодой Арсений Викторович, но не тот, уверенный в себе титан, а какой-то другой — с горящими, азартными глазами. Рядом с ним — люди в подозрительной одежде, раз-

валившиеся в креслах какого-то подпольного игорного клуба. Были распечатки старых банковских выписок с астрономическими суммами, ушедшими на неизвестные счета. И... фотография женщины. Очень красивой, с печальными глазами. Не его покойной жены. Совсем другой. На обороте фото — старая надпись, сделанная его рукой: «Прости меня, Лика».

И в самом низу папки — свежий, только что напечатанный отчет частного детектива. Заголовок гласил: «Ликанова Лидия Петровна. Текущее местонахождение и деятельность».

Тая лихорадочно листала страницы. Женщина жила в глухой провинции, больна, в долгах. Детектив выяснил, что несколько недель назад к ней приезжали «неизвестные» и предлагали крупную сумму за какие-то старые документы или... за молчание. Она отказалась. И тогда... и тогда в дело вступил Арсений Викторович. В отчете была распечатка его вчерашнего звонка — тот самый разговор о «сумме» и «тишине». И... распоряжение о переводе огромных денег некоему фонду, который должен был «решить вопрос с долгами и обеспечить лечение» при условии полного отказа от каких-либо претензий и контактов.

Его слова «любой ценой» обрели новый, страшный смысл. Он не угрожал. Он... покупал. Покупал ее молчание. Ее прошлое. Свою тайну.

В этот момент дверь в кабинет распахнулась. На пороге

стоял он. Бледный, с горящими глазами. Его взгляд перешел с ее лица на папку в ее руках.

Наступила мертвая тишина. Самая страшная тишина в ее жизни.

— Что ты наделала? — его голос был тихим, шелестящим, как лезвие ножа.

— Я... я просто... — она не могла вымолвить ни слова, отступая назад.

Он быстрыми шагами вошел в комнату, выхватил у нее из рук папку и швырнул ее на стол.

— Кто разрешил тебе рыться в моих вещах? Кто? — он не кричал. Он шипел, и это было в тысячу раз страшнее. — Ты думаешь, ты имеешь право лезть в мою жизнь? В мое прошлое?

Три дня. Семьдесят два часа ледяного молчания. Дом, еще недавно наполненный робкой теплотой, снова превратился в музей восковых фигур. Арсений Викторович полностью исчез из их жизни. Он завтракал и ужинал у себя в кабинете, не появлялся в гостиной, не спрашивал о Никите. Даже Игорь передавал его распоряжения шепотом, с опущенными глазами.

Никита скучал и постоянно спрашивал про деда. Тая отмахивалась, говоря, что он очень занят, но внутри все замирало от боли и стыда. Она сожгла все мосты. Ее слова, брошенные в гнев, оказались страшнее любого ножа. Она на-

звала его лгуном, манипулятором, и он... согласился с ней. Отступил. Закрылся в своей раковине, из которой его только-только удалось выманить.

На четвертый день терпение Таи лопнуло. Тоска и отчаяние перевесили страх. Она не могла больше жить в этой ледяной пустоте. Она должна была попытаться. Хотя бы извиниться.

Под вечер, набравшись courage, она подошла к его кабинету. Дверь, как всегда, была закрыта. Она постучала. Сначала робко, потом громче.

Ответа не было.

— Арсений Викторович? — позвала она. — Мне нужно с вами поговорить. Пожалуйста.

Тишина.

Она медленно, с дрожащей рукой, нажала на ручку. Дверь не была заперта.

Кабинет был пуст. На столе царил идеальный порядок. И посередине, начищенной до зеркального блеска столешнице, лежал один-единственный предмет.

Ключ.

Не тот маленький ключик от шкатулки с прошлым. А большой, тяжелый ключ от сейфа. Рядом с ним лежал сложенный лист бумаги.

С невероятно тяжелым предчувствием Тая подошла и взяла его. Почерк был его, твердый и безжалостный.

«Таисия.

Вы были правы. Я строил наши отношения на лжи. Сначала — лжи Глеба. Потом — своей. Я пытался купить все: право на внука, ваше присутствие, вашу... привязанность. Я думал, что могу контролировать все, включая прошлое. Я ошибался.

Мое прошлое — мой крест. И мое одиночество — моя расплата. Я не имею права тянуть вас и Никиту в это болото. Вы заслуживаете света. И правды.

Все документы на право опеки над Никитой подготовлены и ждут вашей подписи у нотариуса. Вы свободны. Можете остаться здесь или уехать — решайте сами. Деньги, которые обеспечат вам безбедную жизнь, переведены на ваш счет.

Не пытайтесь меня искать.

Простите.

А.К.»

Глава 24

Листок выпал у нее из пальцев и медленно спланировал на пол. Тая стояла, не двигаясь, не дыша, пытаясь осознать прочитанное. Он не просто обиделся. Он... отпустил их. Отказался от них. Сделал то, чего она так боялась в самом начале, — дал деньги и отступил. Но теперь это чувствовалось не как победа, а как самое страшное поражение в ее жизни.

С криком «НЕТ!» она развернулась и бросилась из кабинета. Она бежала по коридорам, несясь мимо ошарашенного Игоря, выскочила на подъездную аллею.

— Арсений! — закричала она в холодный вечерний воздух. — Арсений, вернись! Вернись!

В ответ — лишь шелест в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.